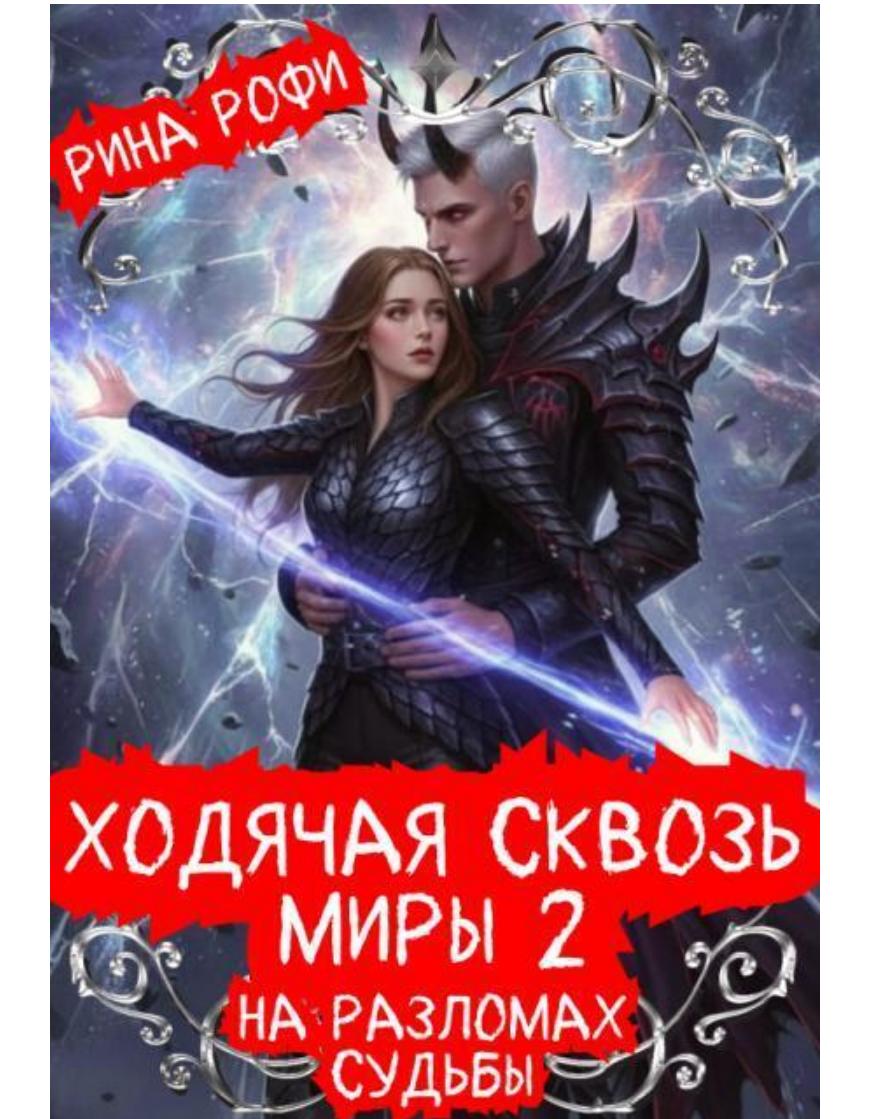

РИНА РОФИ

ХОДЯЧАЯ СКВОЗЬ
МИРЫ 2
НА РАЗЛОМАХ
СУДЬБЫ

Рина Рофи

Ходячая сквозь миры

2. На разломах судьбы

<https://litres.ru/74207679>

Аннотация

Что принес с собой бал? Врага, который убил весь твой род, защитника, который наконец-то понял и исполнение новых обязанностей, что легли на плечи.

Эмма больше не та девочка, что боится Самаэль по прежнему играет, но теперь, кажется, понимает Разломы, которые болят И тьма, что шепчет самое ужасное

Что ждет?

- по прежнему властный главный герой (это неизменно) - враг, о котором говорилось в первой книге - способности Эммы, которыми она наконец управляет - свобода, которая оказалась не нужна - откровенные сцены 18+ -истинная пара - хэппи энд

Содержание

Глава 1. Поделим?	4
Глава 2. Все равно спасибо	7
Глава 3. Сила Ходячей	25
Глава 4. Якоря	33
Глава 5. Влюбленный дурак	42
Глава 6. Моя сложность	50
Глава 7. Первый портал	63
Глава 8. Источник	75
Глава 9. Два дурака и стратегическая утечка	83
Глава 10. Новый день	113
Глава 11. Игра началась	126
Глава 12. На краю	132
Глава 13. Испытания пустошами	138
Глава 14. Последствия	146
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Глава 1. Поделим?

Абаддон не двинулся с места, но его голос, по-прежнему лишённый эмоций, приобрёл оттенок холодного расчёта.

— Самаэль. Мы можем поделить её силу. Я не жадный. Её жизнь, её душа — твои. Я заберу только ключ внутри неё, саму суть Ходячей. После этого она останется жива. Для твоих... нужд.

Его слова, ледяные и меркантильные, повисли в воздухе. Это была не просьба, а деловое предложение от существа, для которого понятия «душа» и «сила» были разными статьями в бухгалтерской книге.

Я застыла, сердце замерло в груди. *Забрать ключ?* Это означало бы вырвать из меня саму суть, то, что делало меня особенной, что связывало меня с ним и этим замком. Я бы осталась... пустой оболочкой. Человеком. Ничем. Лишившись дара, почти вечной жизни...

Самаэль не обернулся ко мне. Он стоял неподвижно, его крылья лишь слегка вздрагивали, белые волосы светились в магическом сумраке сада. Казалось, он обдумывал предложение.

Абаддон продолжал, видя его молчание:
— Ты получишь то, что ценишь — её форму, её покорность. Я получу то, за чем пришёл. Никто не пострадает сверх меры. Разумный компромисс, архидемон. Мы оба воины. Мы понимаем

цену вещей.

Внутри у меня всё оборвалось. Страх сменился леденящим ужасом от возможности такого выбора. Он ведь мог согласиться. Он — демон. Прагматик. Владелец. Что для него значила какая-то «суть», если на кону стоял открытый конфликт с древним разрушителем? Он мог сохранить свою игрушку, лишив её зубов.

И тогда Самаэль заговорил. Не громовым рёвом, а тихим, ровным голосом, в котором звенела сталь.

— Ты ошибся в расчёте, палач.
 Он медленно повернул голову, бросив через плечо короткий взгляд на меня. В его глазах, пылающих адским огнём, не было ни сомнения, ни расчёта. Была лишь абсолютная, безусловная ярость.
 — Ты предлагаешь мне разделить то, что неделимо. Её сила, её душа, её дерзкий взгляд, её глупый смех, её страх и её храбрость — это всё один пакет. Мой пакет.

Он снова повернулся к Абаддону, и его осанка изменилась. Он не просто защищал. Он заявлял права.
 — Ты говоришь о «ключе» как о вещи. Но ключ не работает без замка. А она — ключ к моему замку. К моему трону. К моей силе. И ты предлагаешь сломать его? Ты не просто жадный. Ты — идиот.

Клинок в его руке засветился изнутри багровым светом.
 — Её сила неотделима от неё самой. И она — моя. Вся. Каждая капля. Каждая искорка. И если ты протянешь к ней руку, я отрублю её не потому, что защищаю собствен-

ность, а потому что твоё прикосновение осквернит то, что принадлежит мне по праву гораздо большему, чем твоё жалкое право «очищения».

Он сделал шаг вперёд, и земля под ним затрещала.
— Так что нет, старина. Никаких сделок. Только кровь. И сегодня здесь прольётся твоя.

Абаддон замер. Его безликая броня, казалось, впитала этот отказ. В его следующей фразе не было уже и тени переговоров.
— Ошибка. Ты выбираешь тленную форму перед вечным законом. Что ж. Я стёр с лица земли целый род. Добавить к списку одного архидемона — не проблема.

И он двинулся вперёд, его клинок, пьющий свет, описал в воздухе мертвящую дугу. Битва началась.

Я стояла, прижавшись спиной к холодному камню беседки, замерев, как кролик перед удавом. Руки дрожали, в ушах стоял грохот столкнувшихся клинков — звон звёздной стали Самаэля против глухого, всасывающего звука меча-пустоты Абаддона. Каждый удар отдавался в костях. Лилия где-то позади меня тихо стонала, закрыв лицо руками.

Я не могла сражаться. Не могла отвлечь. Я была слабым местом, причиной, по которой он отчаянно бился, стараясь отеснить Абаддона подальше от меня, принимая удары на себя. Я видела, как по его медной коже, на плече, уже проступила тёмная полоса — не крови, а чего-то иного, словно сама плоть теряла жизненную силу от прикосновения лезвия Разрушителя.

Глава 2. Все равно спасибо

Что я могу? — бешено крутилось в голове. Портал... Я могу открыть портал!

Но куда? Просто отшвырнуть его в случайное измерение? Абаддон был древним существом, охотником между мирами. Он мог вернуться. Нужно было место, из которого не выбирают. Или выбирают очень, очень нескоро.

Ответ пришёл мгновенно. Яростный, отчаянный, как и всё в эту ночь. Он пришёл из его же слов, из тех редких, полных мрачного почтения рассказов о самых опасных уголках мироздания, которые он иногда позволял себе за бокалом вина.

«...и есть Пучина Забвения, Эмма. Не путай с моим царством. Это другое. Это место, куда падают обрывки снов богов, забытые клятвы и... те, кого нужно стереть навсегда. Даже для нас это — край. Там нет якорей. Там нет пути назад. Только белый шум небытия, который стирает всё, даже память о существовании».

Пучина Забвения.

Страшнее смерти. Полное уничтожение не только тела, но и самой сущности.

Я не колебалась. Не было времени на сомнения. Он сражался за меня. Теперь мой ход.

Закрыв глаза на долю секунды, я оторвала взгляд от его

белых волос, развевающихся в ярости битвы, и сосредоточилась. Не на щелях, не на якорях замка. Я искала в себе то, что связывало меня с *ним*. С его силой, с его знанием, с самой тканью его владений. И через эту связь — тянулась к самому краю, к самой чёрной дыре в его мироздании.

Моя рука снова сжала кулон. Но теперь не для зова. Для фокуса. Я представляла не его, а *отсутствие всего*. Белый шум. Пустоту, которая жрёт.

Воздух позади Абаддона, который в этот момент отступил на шаг под яростным натиском Самаэля, задрожал и... не разорвался, а *провалился*. Открылся не портал, а нечто иное — беззвучная, бездонная чёрная дыра, из которой не шёл даже ветер. Она не искрилась, не мерцала. Она просто *была* — окно в ничто.

Энергия хлынула из меня, как вода из пробитого кувшина. Я едва устояла на ногах, горло перехватило.

— САМАЭЛЬ!! — выкрикнула я, голос сорвался на хрип.

Он понял мгновенно. Его глаза, пылающие адским огнём, метнулись ко мне, к чёрному провалу за спиной его противника, и в них вспыхнуло дикое, одобряющее безумие. Он не стал задавать вопросов. Он перешёл в яростное, сокрушительное наступление, не давая Абаддону оглянуться, заставляя его отступать. Отступать прямо к зияющему провалу в реальности.

Абаддон, казалось, почувствовал угрозу. Он попытался отпрыгнуть в сторону, но Самаэль был быстрее. Один его

крылатый удар отбросил Разрушителя назад, прямо на край бездны.

На мгновение Абаддон замер, его безликий шлем будто вглядывался в открывшуюся перед ним пустоту. Он понял. Понял, что это.

— Хитро... — прозвучал его скрипучий голос, и впервые в нём послышалось нечто, отдалённо напоминающее... уважение?

Он попытался шагнуть в сторону, создать свой выход, но я, собрав последние силы, сжала кулон и *толкнула* мысленно пространство вокруг него, пытаясь удержать, направить. Мои ноги подкосились, из носа хлынула тёплая струйка крови. Я упала на колени.

Этого мгновения замешательства хватило. Самаэль, с рёвом, в котором смешались ярость и триумф, обрушил на него весь свой вес, весь гнев, всю мощь. Не клинком — *собой*. Удар был титаническим.

Абаддон, не успев среагировать, перешагнул за край. Он не упал. Он *исчез*. Бесшумно, без вспышки. Чёрная дыра дрогнула и тут же схлопнулась, как будто её и не было.

Наступила тишина. Гулкая, оглушительная.

Самаэль стоял, тяжело дыша, его крылья медленно опускались. Он повернулся ко мне. Его белые волосы были в пыли и... в чём-то тёмном. В его глазах пламя угасало, сменяясь дикой, невыразимой тревогой.

Он сделал шаг, споткнулся, но всё же дошёл до меня,

опустившись на колени. Его огромная, окровавленная рука осторожно коснулась моего лица, смазала кровь под моим носом.

— Эмма... — его голос был хриплым, сломанным. — Ты... куда ты его...

Он не договорил. Он понял. И в его взгляде, помимо тревоги, промелькнуло что-то вроде леденящего душу ужаса — не за себя, а за меня, за ту цену, которую я только что заплатила, и за то, на что я оказалась способна.

Он не стал ничего больше говорить. Слова кончились, осталась только эта оглушительная тишина, звон в ушах и леденящая дрожь, пробирающая до самых костей. Его взгляд скользнул по моему лицу, по струйке крови, по моим широко раскрытым, ничего не видящим от перегрузки глазам.

И тогда он просто потянул меня к себе.

Не грубо. Не властно. С какой-то странной, почти отчаянной осторожностью, будто я была сделана из паутины и бьющегося стекла. Его руки, ещё горячие от ярости битвы и липкие, обвили меня, прижали к своей груди. Я уткнулась лицом в его шею, в кожу, пахнущую дымом, медью, его потом и чем-то горьким — адреналином и болью.

Он сжал меня так сильно, что на мгновение перехватило дыхание. Его крылья, огромные и мощные, обвили нас обоих, сомкнувшись за моей спиной, отрезав остальной мир. Мы оказались в тёмной, тёплой, дышащей пещере из его плоти, крыльев и мышц. Слышен был только бешеный

стук его сердца под моей щекой и моё прерывистое, сдавленное дыхание.

Он прижал губы к моему виску, и его голос, глухой, содрогающийся, прозвучал прямо у самой кожи:

— Моя Эмма...

В этих двух словах не было собственничества. Не было триумфа. Была капитуляция. Признание поражения перед тем, что только что произошло. Перед тем, что я сделала. Перед тем страхом, который он испытал. И перед той невероятной, чудовищной силой, что связала нас теперь ещё крепче — не просто договором или страстью, а кровью, выживанием и этой ужасающей бездной, в которую мы вместе столкнули врага.

Я не плакала. Не могла. Всё внутри было пусто и выжжено. Я просто обвила его руками за спину, вцепившись пальцами в напряжённые мышцы, чувствуя под ладонями шрамы. Мы сидели так на холодной земле его сада, среди следов разрушения, спрятанные в коконе его крыльев, двое сломленных, выгоревших, но неразделимых существ. «Моя Эмма» звучало не как ярлык. Как молитва. Как единственная неоспоримая правда в мире, который только что едва не рухнул.

Я запустила пальцы в его волосы, белые как снег и спустила ладони вниз по спине. Они легли на горячую, влажную кожу, ища опору в этом мире, который все еще качался у меня перед глазами.

Он вздрогнул.

Не от боли — от неожиданности. От этого простого жеста, который я сделала сама, без приказа, без игры. Его тело, еще секунду назад напряженное как стальная пружина, дрогнуло всем своим мощным каркасом. Крылья, сомкнутые вокруг нас, на мгновение трепетно распахнулись, пропуская внутрь кокона струйку холодного ночного воздуха, и снова сомкнулись, еще плотнее.

Его дыхание, горячее у моего уха, сперлось, затем вырвалось долгим, сдавленным выдохом, в котором было что-то вроде стона. Он прижал меня еще сильнее, почти вдавливая в себя, будто пытаюсь вобрать внутрь, спрятать от всего, что было снаружи и внутри.

— Эмма... — снова прошептал он, и в его голосе была уже не молитва, а что-то сломленное, уставшее до самого дна. Его рука поднялась, огромная ладонь легла мне на затылок, прижимая мое лицо к его шее, в ту впадинку у ключицы, где билась жизнь.

Он не стал открывать портал широким, эффектным жестом, как это делал раньше. Просто провёл рукой по воздуху рядом с нами, и пространство разорвалось с тихим, усталым звуком — не взрывом, а вздохом. Свинцово-серая поверхность мерцала неровно, будто и его силы были на исходе.

Он поднялся, не отпуская меня, и, всё ещё прижимая к себе, шагнул в дрожащий проём. Я почувствовала привычный толчок перемещения, но на этот раз он был каким-то... при-

глушённным, будто сама магия подчинялась его истощению. Мы вышли не в гостиную, не в зал. Прямо в нашу спальню. Портал закрылся за спиной, отсекая холод сада, запах гари и разрушения. Здесь пахло знакомым — его кожей, моими духами, тишиной и покоем, который сейчас казался таким хрупким.

Он не отпустил меня сразу. Стоял посреди комнаты, всё ещё держа, его крылья медленно, с трудом складывались за спиной, пока не растворились в привычном облике. Белые волосы были испачканы, на теле — ссадины и темные подтёки, но самые страшные раны, казалось, были не снаружи.

Наконец его руки ослабили хватку. Он отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть на меня. Его золотые глаза, обычно пылающие уверенностью, сейчас были тусклыми, почти выгоревшими. Он медленно провёл большим пальцем по моей щеке, смазывая запёкшуюся кровь под носом.

— Ванная, — сказал он хрипло, и это было не предложение, а констатация необходимости. — Тебе нужно... мне нужно... — он не договорил, просто покачал головой, словно не в силах подобрать слова для всего, что требовалось смыть.

Он повёл меня, не за руку, а положив свою тяжёлую ладонь мне на спину, направляя. Его шаги были чуть неуверенными. Казалось, каждый мускул болел. Мои собственные ноги едва слушались, но его присутствие, эта тихая, уставшая опека, не давали им подкоситься окончательно.

Мы вошли в ванную. Он включил воду, не глядя, и она полилась тёплая, почти горячая, наполняя комнату паром. Он повернулся ко мне, и в его взгляде, поверх усталости, промелькнуло что-то вроде потерянности. Как будто ритуал обыденного — раздеть, помыть — сейчас казался ему непосильно сложной задачей.

Я повернулась к нему спиной, откинула с шеи тяжёлые, спутанные волосы, обнажив застёжки корсета и голую кожу плеч. Жест был безмолвным, но предельно ясным. Я доверяла. Я не могла справиться сама. Он замер на секунду, его дыхание коснулось моей кожи. Потом его пальцы — осторожные, несмотря на их размер и силу, — нашли первую крошечную, хитроумную застёжку. Не магическую, а самую обычную, которую мастер Древель вшил для надёжности. Он расстегнул её. Затем следующую. Каждый щелчок освобождающегося механизма отдавался в тишине ванной громче, чем грохот битвы.

Тяжёлое золотое полотно платья начало ослабевать на мне. Он не торопился, работая молча, его движения были методичными, почти ритуальными. Пока он освобождал меня от блестящих пут, за моей спиной булькала вода, наполняя огромную джакузи. Когда последняя застёжка поддалась, корсет потерял форму. Он аккуратно стянул его с моих плеч, и платье, лишившись каркаса, тяжёлым, шелестящим водопадом сползло на пол, оставив меня стоять только в туфлях и трусиках. Воздух показался холодным на коже,

ещё покрытой испариной ужаса и напряжения.

Он всё ещё стоял сзади. Его руки опустились, но не отошли. Я чувствовала тепло его тела, слышала его неровное дыхание. И тогда, словно не в силах сдержаться, он наклонился. Его губы — сухие, горячие — коснулись моего обнажённого плеча. Не поцелуй. Не страсть. Это было прикосновение-подтверждение. Живое, тёплое, неискажённое прикосновение к тому, что он только что защищал, что едва не потерял, что сейчас стояло перед ним, хрупкое и настоящее.

— Эмма... — прошептал он прямо в мою кожу, и в этом шёпоте был весь его выгоревший гнев, вся усталость и что-то невыразимо нежное, пробившееся сквозь всё это.

Он не двигался, просто держал губы на моем плече, словно черпая оттуда силы или убеждаясь, что я всё еще здесь, из плоти и крови, а не призрак, который вот-вот рассыплется. Вода в джакузи набиралась, пар сгущался, а мы стояли так — связанные тишиной, его прикосновением и тяжестью всего, что произошло.

— Самаэль. Спасибо

Его губы на моем плече замерли. Казалось, он даже перестал дышать на секунду. Эти два простых слова, выдохнутые мной в парный воздух ванной, прозвучали для него громче любого крика, любой мольбы. Он медленно выпрямился. Его руки, лежавшие на моих боках, слегка дрогнули. Он обернул меня и заставил повернуться к себе. Его лицо было бледным под ссадинами, белые волосы падали на лоб. В глазах буше-

вала буря — изумление, недоверие, какая-то почти что боль.

— Что? — вырвалось у него хрипло, голос сорвался. Он смотрел на меня, будто не расслышал или не понял смысла.

— Спасибо, — повторила я тише, но четче, глядя прямо в его золотые, выгоревшие глаза. — За то, что пришел. За то, что... что не отдал. За то, что он сейчас там, а не я.

Я не благодарила за спасение жизни. Это было бы слишком просто. Я благодарила за выбор. За тот страшный, мгновенный выбор, который он сделал в саду, отвергнув сделку с Абаддоном. За то, что он защищал не просто свой актив, а *меня* — целиком, со всей моей «ошибкой» и «силой», которые были для него одним целым.

Он продолжал смотреть на меня, и постепенно изумление в его глазах стало таять, сменяясь чем-то невыносимо сложным. Его губы дрогнули. Он провел рукой по лицу, оставив бледные полосы на грязной коже.

— Не... не благодари, — пробормотал он, отводя взгляд, и в его голосе прозвучала непривычная, смущенная резкость. — Это была не благородная защита. Это был... расчёт. Мой расчёт. Ты моя. Всё, что касается тебя, касается меня. И я не позволю никому влезать в мои дела. Никакого геройства. Никакой... благодарности.

Он говорил это, глядя в сторону, на наполняющуюся ванну, но его рука, все еще лежавшая на моем боку, сжалась — не больно, а как бы утверждая его же слова, которые звучали такими пустыми и лживыми после того взгляда, что он

бросил на меня в саду, после того, как он вздрогнул от моего прикосновения.

Я не стала спорить. Просто шагнула к нему ближе, положила ладонь ему на грудь, прямо над бешено бьющимся сердцем. Он вздрогнул снова, всем телом.

— Все равно, — прошептала я. — Спасибо.

И в этот раз он не стал ничего говорить. Просто наклонился и прижался лбом к моему плечу, тяжело, с облегчением и полным поражением. Его «расчёт» рухнул, а слова благодарности, которые он, казалось, никогда раньше не слышал в свой адрес в таком контексте, оказались тем оружием, против которого у него не было защиты.

Моя рука, всё ещё дрожащая, но уже не от страха, а от странной, сосредоточенной решимости, нашла холодную металлическую пряжку на его поясе. Он замер, его дыхание спёрлось у моего плеча.

Я растегнула пряжку. Металлический щелчок прозвучал невероятно громко в тишине, нарушаемой лишь шумом воды. Мои пальцы скользнули ниже, к пуговице на брюках. Справилась с ней. Потом — к молнии. Медленно, не глядя, на ощупь.

Он не помогал, но и не останавливал. Просто стоял, прислонившись лбом к моему плечу, его тело было напряжённым, как у зверя, затаившегося перед прыжком.

Когда молния растегнулась, я наконец подняла на него взгляд. Он медленно оторвался от моего плеча. Его глаза,

золотые и выгоревшие, встретились с моими. В них не было привычного огня, насмешки или требования. Была усталость, глубокая, всепоглощающая, и какое-то недоумение. Как будто он не понимал, что происходит, но уже слишком истощён, чтобы сопротивляться или диктовать свои правила. Я смотрела на него, на этого могущественного, страшно-го архидемона, стоявшего передо мной, позволившего мне раздеть его, позволившего увидеть его уязвимость. И в этом взгляде было всё, что я не могла выразить словами: «Я вижу тебя. Вижу усталость. Вижу боль. И я здесь. Не потому что должна. Потому что хочу».

Он прочитал это в моих глазах. Его собственный взгляд смягчился, потерял последние остатки обороны. Он кивнул, почти незаметно, и сам стянул брюки, скинув их на пол рядом с моим золотым платьем. Два символа нашей сегодняшней ночи — роскоши и битвы — лежали в грудe на кафеле.

Теперь мы стояли друг перед другом, разделенные лишь тонким слоем моего белья и всей тяжестью пережитого. Вода в джакузи подошла к краю и с тихим щелчком отключилась. Наступила полная тишина, густая и значимая.

Он не сказал ни слова. Просто наклонился, его руки — сильные, уверенные, несмотря на усталость — скользнули подо мной: одна под коленями, другая под спиной. Это было действие. Практичное, необходимое.

Я обвила его шею руками, прижавшись к его горячей, испачканной коже. Он сделал два шага и осторожно, почти

нежно, опустил меня в воду. Горячая, почти обжигающая влага обняла моё тело, смывая первый слой холода, дрожи и липкого ужаса. Я вздохнула, закрыв глаза, чувствуя, как мышцы начинают понемногу расслабляться.

Он не залез сразу. Опустился на колени на краю джакузи, его белые волосы падали на лоб, и он смотрел на меня — пристально, изучающе, будто проверяя, не рассыплюсь ли я, не растворюсь в этой воде. Потом, наконец, перекинул ногу через край и погрузился в воду напротив меня. Он сел, откинув голову на бортик, его могучая фигура заняла почти половину огромной ванны. Вода поднялась, омывая его грудь, плечи, смывая с кожи пыль, сажу и тёмные следы. Он закрыл глаза, и на его лице впервые за весь вечер появилось выражение не просто усталости, а полного, опустошённого изнеможения.

Мы молчали. Только вода тихо плескалась, остывая. Пар поднимался к потолку, заволакивая зеркала. Мы сидели в этой горячей, целительной тишине, двое выживших, смывая с себя ад этого вечера. Никаких слов не было нужно. Его присутствие, его молчаливое разделение этой простой, животной потребности в очищении, было красноречивее любых клятв или объяснений. Он был здесь. Со мной. И это, в конечном счёте, и было всем, что имело значение.

Я закрыла глаза, отдавшись горячей, почти болезненной неге воды. Но за веками не было темноты. Там, в полосе усталости и шока, всплывали яркие, выжженные картинки.

Не битва. Не взмахи клинков. Не ужас перед Абаддоном.
Его взгляд.

Тот самый, что он бросил на меня, услышав предложение Разрушителя. *«Мы можем поделить её силу».*

Я видела его снова. Как золотые глаза, пылавшие адским огнём, на секунду стали ледяными, острыми, как скальпель. Как в них промелькнуло не раздумье, не расчёт выгоды, а что-то куда более примитивное и безошибочное. **Ярость.** Не просто гнев. Глухая, белая, всепоглощающая ярость от самого предположения, что *его* можно с кем-то *делить*. Что его собственность, его воля, его выбор могут быть подвергнуты сомнению, торгу, разделу.

И за этой яростью — что-то ещё. Что-то, от чего у меня внутри до сих пор сжималось. **Защита.** Но не та, что исходит от долга или расчёта. Та, что исходит из самой глубины, инстинктивная, животная. Как у волка, вставшего между охотником и своим щенком. Взгляд, в котором читалось: *«Моё. Руки прочь. Даже мысль об этом — осквернение».*

Он защищал не мою силу. Не «ключ». Он защищал границу. Ту невидимую, но абсолютную черту, которую он провёл вокруг того, что считал своим. И в тот момент, под этим взглядом, я поняла страшную правду: я была внутри этой черты. Не как вещь, не как инструмент. Как часть его территории. Как нечто, чья целостность стала равна его собственной целостности. И любая угроза мне была угрозой ему лично.

От этой мысли по спине побежали мурашки, смешиваясь с жаром воды. Это было ужасающе. Поглощающе. И в то же время... давало странное, извращённое чувство безопасности. Пока я была в кругу, очерченном его яростью, ничто извне не могло меня тронуть. Даже древний разрушитель.

Я открыла глаза. Он всё ещё сидел напротив, глаза закрыты, лицо расслаблено, но брови слегка сведены, будто даже во сне он отражал атаки. Капли воды стекали по его белым ресницам, по резкой линии скулы.

«Моё», — прошептал он тогда в саду. И это было не слово. Это был закон.

И сейчас, сидя в одной воде с этим существом, которое писало свои законы кровью и силой, я чувствовала не страх. Пустоту. И странное, тихое принятие. Да, я была его. Но в этом «его» оказалось больше честности и защиты, чем я когда-либо знала.

Он открыл глаза. Медленно, тяжело, будто веки были отлиты из свинца. И сразу, без поиска, его взгляд упал на меня. Золотые зрачки, уже без адского пламени, но всё ещё несущие в себе его отсвет, были теперь прозрачными, вымытыми усталостью. Он смотрел не изучающе, не оценивающе. Просто смотрел.

Этот взгляд был другим. В нём не было привычной маски — ни насмешки, ни властности, ни томной игры. Была лишь голая, неприкрытая усталость и... что-то вроде тихого, совместного понимания. Он видел не просто меня в воде. Он

видел отражение всего вечера в моих глазах. Видел, вероятно, и мои собственные мысли, моё переосмысление его «защиты».

Мы молча смотрели друг на друга сквозь лёгкую дымку пара. Вода медленно остывала, но внутри, под грудью, что-то грелось и щемило. Он не отводил взгляда. Казалось, он черпал в этом молчаливом контакте какую-то тихую силу, так же, как и я.

Потом его губы, сухие и потрескавшиеся, дрогнули. Не в улыбку. В нечто более хрупкое, почти неуловимое.

— Довольна? — прошептал он хрипло, и его голос был тихим, лишённым всякой интонации, кроме усталости.

Он спрашивал не о спасении. Не о победе. Он спрашивал о чём-то гораздо более важном. О том, что произошло между нами в саду. О его выборе. О моей благодарности. О том, как теперь выглядела карта наших странных отношений после того, как на неё пролилась кровь древнего врага.

Я не ответила сразу. Просто медленно перевела взгляд с его глаз на его плечо, где темнела полоса от лезвия Абаддона. Потом снова встретилась с его взглядом.

— Да, — сказала я так же тихо, но твёрдо. И в этом одном слове был ответ на все возможные вопросы. Да, я довольна тем, что он пришёл. Да, тем, что он выбрал меня целиком. Да, тем, что мы оба живы. И да, даже этой новой, страшной и неразрывной связью, что теперь навсегда спаяла нас вместе.

Он кивнул, один раз, коротко, как будто этого было доста-

точно и снова закрыл глаза, погрузившись в воду чуть глубже, позволив тишине и теплу завершить то, что не могли выразить слова. Но его рука под водой, лежавшая на бортике рядом с моей, медленно сдвинулась и накрыла мою ладонь. Не сжимая. Просто лёгким, непреложным прикосновением. Печать на нашем безмолвном договоре.

Тепло воды делало своё дело. Оно проникало глубоко в мышцы, вымывая остатки адреналина, растворяя ледяные зажимы страха. Моё тело, до этого собранное в тугую, дрожащий узел, начало медленно, необратимо размякать. Тяжесть навалилась внезапно — не просто сонливость, а глубокая, всепоглощающая усталость, которая шла из самых костей, из каждой перегруженной нервной клетки.

Голова сама собой откинулась на прохладный каменный бортик джакузи. Веки стали невыносимо тяжёлыми. Между ресницами, в размытом мире пара и тусклого света, я видела его силуэт. Он тоже казался расслабленным, почти спящим, но его рука по-прежнему лежала поверх моей, тёплая и твёрдая, единственная точка опоры в этом плывущем мире.

Мысли растаяли, превратились в бессвязные образы: вспышка золотого камня, белизна его волос на фоне ночи, чёрная дыра Пучины... Всё уплывало, теряло остроту, смывалось этой благословенной, горячей водой. Дыхание выровнялось, стало глубоким и медленным. Последнее, что я почувствовала перед тем, как сознание начало тонуть в тёплом тумане, — это лёгкое, едва заметное движение его пальцев,

сомкнувшихся вокруг моих в слабом, защитном жесте. И тогда я позволила себе отпустить всё. Усталость накрыла с головой, унося в тёмные, безмятежные глубины, где не было ни демонов, ни охотников, ни балов — только тишина, тепло и эта простая, животная уверенность, что он рядом. И пока он рядом, можно позволить себе сломаться. Он соберёт. Потому что я — его.

Глава 3. Сила Ходячей

Я проснулась не сразу. Сознание всплывало медленно, будто из густого, тёплого сиропа. Сначала ощутила тяжесть — не душевную, а физическую. Каждую мышцу, каждую кость. Потом — тепло. Не от воды, а от большого, твёрдого тела рядом, от тяжести руки, лежащей на моём животе поверх одеяла.

И только потом открыла глаза. В спальне царил мягкий полумрак — шторы были плотно задёрнуты, лишь тонкая полоска искусственного «утреннего» света пробивалась сверху. Я лежала на боку, лицом к нему.

Он не спал. Лежал на спине, одна рука закинута за голову, а другой, как я и почувствовала, держал меня. Но его глаза были открыты. Он смотрел в потолок, точнее, сквозь него, в какую-то свою, недоступную мне даль. Его профиль в этом свете казался вырезанным из бледного мрамора — резкий, прекрасный и невероятно уставший. Белые волосы были ещё влажными у висков, тёмные круги под глазами говорили о том, что сон обошёл его стороной или был коротким и тревожным.

Он не заметил, что я проснулась. Его взгляд был пустым и в то же время невероятно тяжёлым. В нём не было привычной расчётливой остроты или насмешки. Была глубокая, всепоглощающая усталость и какая-то... переоценка. Как будто

он заново раскладывал по полочкам всё, что произошло, и не мог найти привычных ярлыков. Я видела, как его взгляд скользнул к моей спящей (как он думал) фигуре, и в его золотых глазах что-то дрогнуло — нежность, смешанная с той же леденящей яростью, что была в саду, но теперь приглушённой и направленной внутрь. На себя. На то, что он допустил угрозу так близко. На ту цену, которую я заплатила, открыв Пучину.

Он был уязвим. По-настоящему. И он позволял себе эту уязвимость только здесь, в темноте, думая, что я сплю. Это зрелище было страшнее любого проявления его силы. Потому что оно было настоящим.

Я пошевелилась. Всего лишь слегка — чтобы устроиться поудобнее, почувствовав, как одеяло сползает с плеча. Но этого хватило.

Его взгляд, только что блуждавший где-то в далёких, мрачных далях, мгновенно нарисовал резкую дугу и вонзился в меня. Всё остальное — усталость, самоанализ, тяжёлые мысли — будто сгорело в одно мгновение, сметённое молниеносной реакцией охранника. Зрачки сузились, стали острыми, фокусируясь на малейшем признаке дискомфорта или опасности.

Он не дёрнулся, не вскочил. Просто всё его внимание, вся энергия, что секунду назад была рассеяна, теперь сконцентрировалась на мне, как луч прожектора.

— Ты не спишь, — констатировал он тихо. Его голос был

хриплым от бессонницы, но абсолютно ясным. В нём не было вопроса.

Его рука на моём животе не убралась, но пальцы слегка сжали ткань моей ночнушки, инстинктивный жест проверки, утверждения присутствия.

Он смотрел на меня, и теперь в его взгляде читалось что-то помимо усталости. Настороженность. Оценка. Он искал в моих глазах следы шока, боли, страха — всего того, что могло остаться после вчерашнего. И в то же время — он *ждал*. Ждал, что я скажу. Как отреагирую на это совместное пробуждение после всего.

Я почувствовала, как его взгляд, острый и оценивающий, скользнул по моему лицу. Он искал ложь, истерику, требовательность. Но я просто повернулась на другой бок, подтянула одеяло к подбородку и глухо пробормотала в подушку: — Устраиваюсь удобнее, чтобы уснуть.

В этих словах не было ни вызова, ни скрытого смысла. Простая, физиологическая правда. Я была измотана до предела, и даже его напряжённое присутствие не могло перебить животную потребность в сне. Его рука на моём животе замерла на секунду. Пальцы, только что слегка вцепившиеся в ткань, разжались. Натяжение, витавшее в воздухе, спало, словно я неожиданно разрежала невидимую струну. Он выдохнул. Длинно, почти неслышно. И в этом выдохе была странная смесь облегчения и... досады? Как будто он приготовился к битве, а я предложила чай.

Его тело позади меня тоже расслабилось, опустившись в матрас чуть глубже. Его рука не убралась, но теперь она просто лежала там — тяжёлая, тёплая, уже не сковывающая, а просто... присутствующая.

— Устраивайся, — отозвался он наконец, и в его голосе прозвучала привычная, ленивая усмешка, но на этот раз она была какой-то усталой, почти что мягкой.

Я почувствовала, как его подбородок коснулся моей макушки, как он прижался ко мне чуть ближе, и его дыхание стало ровным и глубоким у меня над ухом. Он сдался. Принял мою простую, сонную правду. И в этом принятии, в этой возможности просто «устроиться» рядом с ним после всего, что случилось, было что-то гораздо более важное, чем любые страстные признания или клятвы. Это было доверие к обыденности. К тому, что утро наступит, и мы в нём проснёмся. Вместе.

Сон отступал медленно, оставляя после себя странную, непривычную пустоту. Я потянулась рукой на его сторону кровати — простыня была холодной. Он уже давно встал.

Чувство лёгкой тревоги, всегда живущее где-то на дне, шевельнулось, но было тут же задавлено усталостью и остатками вчерашнего шока. Я накинула первый попавшийся шёлковый халат, тёмно-синий, вероятно его, и босиком вышла из спальни.

В замке царила утренняя, деловая тишина. Я направилась

в столовую, надеясь найти там хотя бы чашку кофе и, возможно, его самого. Дверь была приоткрыта.

И он был там. Сидел во главе длинного стола из тёмного дерева, заваленного картами, свитками и хрустальными шарами. Перед ним стояла чашка с чем-то тёмным, от чего поднимался пар. Но он был не один.

Напротив него сидел другой демон. Молодой, судя по всему, с острыми, хищными чертами лица и короткими, тёмно-багровыми рогами, только начинающими закручиваться. Он что-то оживлённо, с горящими глазами, докладывал, указывая на одну из карт.

Я замерла на пороге, осознав свою неподходящность: босиком, в чужом халате, с растрёпанными после сна волосами. Я собиралась было тихо ретироваться, но Самаэль поднял взгляд.

Его золотые глаза встретились с моими. Никакого удивления, никакого раздражения. Только лёгкая тень усталости под ними и что-то вроде... привычности.

— Эмма, — окликнул он меня, и его голос, ровный и спокойный, разрезал утреннюю тишину. — Не смущайся.

Он кивнул в сторону молодого демона, который замолчал и с нескрываемым, жадным любопытством уставился на меня.

— Это мой младший брат, Бельфегор. Заходи.

Я сделала неуверенный шаг вперёд, чувствуя на себе оценивающий взгляд незнакомца. Самаэль не встал, но отодви-

нул стул рядом с собой жестом.

— Мы как раз обсуждаем последствия вчерашнего... визита, — сказал он, и в его голосе промелькнул сухой, почти неощутимый отголосок вчерашней ярости. — Бельфегор отвечает за разведку в пограничных сферах. Ему есть что доложить. Садись. Ты должна это слышать.

Я осторожно села на указанный стул, стараясь не привлечь к себе лишнего внимания. Шёлк халата скользнул по коже, и я почувствовала, как взгляд Бельфегора, острый и любопытный, скользит по мне с ног до головы. В нём не было открытой враждебности, но было холодное, расчётливое изучение, как будто он оценивал новый, неожиданный фактор в уравнениях власти.

Самаэль, казалось, проигнорировал этот взгляд. Он снова обратился к картам.
— Продолжай, Бельфегор. Ты говорил о волнениях в Кристальных Пустошах.

Младший брат (и правда, в его чертах было что-то от Самаэля, но более угловатое, менее сдержанное) кивнул, оторвав взгляд от меня.
— Да. После того, как вчера... исчез Абаддон, — он произнёс это слово с почтительным ужасом, бросив быстрый взгляд на брата, — в нескольких пограничных мирах начались странные энергетические всплески. Как будто его исчезновение нарушило какую-то древнюю блокировку. Там, где раньше была тишина, теперь... шевеление.

— Шевеление чего? — спросил Самаэль ровно, но я за-

метила, как его пальцы слегка сжали край пергамента.

— Пока неясно. Тени? Отголоски? Тех, кого он когда-то «очистил»? — Белфегор пожал плечами, но в его глазах горел азарт охотника, напавшего на след. — Мои лазутчики боятся туда соваться. Нужна... более весомая демонстрация силы. Чтобы запечатать брешь. Чтобы все знали, что трон Отчаяния не дрогнул, а, наоборот, стал ещё прочнее.

Он снова посмотрел на меня, и теперь в его взгляде читался уже не просто интерес, а что-то вроде расчёта. — Ваша демонстрация вчера на балу, брат, была эффектной, но недостаточной. Исчезновение Абаддона — это громкий сигнал. Но сигнал должен быть *понят*. Нужно показать, что это была не случайность, а закономерность. Что новый порядок — это ты. И всё, что под твоей защитой.

Самаэль молчал, его взгляд был прикован к карте Кристальных Пустошей. Я сидела между ними, чувствуя себя незванным гостем на совете военных, но понимая, что разговор идёт в том числе и обо мне. О той самой «защите», что стала яблоком раздора и причиной раскола в самом основании мироздания.

Воздух в столовой стал гуще. Бельфегор не просто докладывал — он предлагал стратегию, и я была её частью, невольным центром.

— Бал, твоя жена в золоте, твой поцелуй на глазах у всех — это хорошо для внутренней кухни, для сплетен, — продолжал младший брат, его палец указующе стучал по карте.

— Но для границ, для тех, кто дышит прахом забытых войн и помнит только язык силы, этого мало. Им нужно показать не роскошь, а мощь. Не обладание, а *неприкосновенность*.

Самаэль медленно поднял глаза от карты и посмотрел на меня. Его взгляд был тяжёлым, непроницаемым. В нём шла своя внутренняя битва.
 — Что ты предлагаешь?
 — Отправь её туда, — выпалил Вельзевул, и его глаза загорелись. — В Кристальные Пустоши. Под мощным эскортом, конечно. Но пусть она пройдёт по самой границе вспышек. Пусть все увидят, что Ходячая, которую истребитель целого рода не смог забрать, теперь спокойно ходит по землям *твоего* влияния. Что её сила не просто сокрыта за стенами твоего замка — она встроена в твою власть. Что ты не прячешь своё сокровище, а *выставляешь* его, потому что достаточно силён, чтобы его защитить в любом месте.

Глава 4. Якоря

Я замерла, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он предлагал использовать меня как приманку, как живой флаг.

— Слишком рискованно, — отрезал Самаэль, но в его голосе не было категоричного отказа. Была взвешивающая всё на весах разума интонация.

— Риск — да, — не отступал Белфегор. — Но он уже есть! Абаддон нашелся *здесь*, в самом сердце твоих владений! Значит, прятаться бесполезно. Нужно диктовать правила самому. Показать, что даже на самых опасных рубежах твоя воля — закон. А она, — он кивнул в мою сторону, — лучшее доказательство этого закона. Она — твоя самая большая слабость и самый громкий символ силы одновременно. Так используй это!

Самаэль снова посмотрел на меня. На этот раз я встретила его взгляд. В его глазах я видела не просто расчёт. Я видела ту же борьбу, что и в саду: желание спрятать, запереть, сохранить в целостности и сохранности — и понимание, что иногда лучшая защита это нападение. Что иногда нужно выйти из крепости, чтобы все увидели, насколько неприступны её стены.

— Эмма, — произнёс он тихо, обращаясь уже ко мне. — Ты слышала. Это... не приказ. Это вопрос. Ты только что пережила нападение. Готова ли ты на ещё один шаг вперёд?

Не как жертва, а как... участник.

Он не сказал «как оружие» или «как символ». Он сказал «как участник». И в этом была разница. Он спрашивал не просто о моём согласии, а о моей готовности. Готовности стать не просто причиной его защиты, а частью его стратегии. Активным игроком на этой чудовищной шахматной доске.

Тишина в столовой стала звенящей. Даже Бельфегор затаил дыхание, наблюдая за моей реакцией. Я смотрела на Самаэля, на его усталое, серьёзное лицо, на белые волосы, которые казались ещё белее в утреннем свете. Я думала о вчерашнем страхе, о Пучине, о его руке, накрывшей мою в воде. И о том взгляде, полном ярости за меня.

Я медленно выдохнула. — Если это нужно... если это поможет закрепить то, что ты сделал вчера... — мой голос звучал тихо, но чётко. — Тогда да. Я готова.

Это не было храбростью. Это была необходимость. Принятие правил игры, в которую я была втянута. И понимание, что лучший способ выжить в ней — не прятаться за его спину, а стоять рядом. Пусть даже в качестве живого щита и символа.

Самаэль ещё раз взглянул на меня. Его золотые глаза, обычно такие нечитаемые, сейчас сканировали моё лицо с хирургической точностью. Он искал то, что всегда было легко найти раньше: тень страха, дрожь в уголках губ, расширенные зрачки. Он искал ту хрупкость, что оправдала бы его

желание сказать «нет», запереть меня в самой дальней башне под усиленной охраной.

— Самаэль, — сказала я, прежде чем он успел что-либо произнести. Я посмотрела ему прямо в глаза, не мигая. — Я не боюсь. Правда.

Это была не бравада. Не попытка казаться сильной. Это была констатация факта. Страх был вчера. Сейчас его место заняла странная, леденящая ясность. Я боялась Абаддона. Я боялась его лезвия и его пустого взгляда. Но «Кристалльные Пустоши», «эскорт», «демонстрация силы»... это были просто слова. Новые правила новой игры. А правила можно изучить. Можно применить.

Самаэль прочитал это во мне. Не отсутствие страха, а его трансформацию. Принятие. Его собственное напряжённое выражение лица смягчилось на долю. Он видел не безрассудного храбреца, а того, кто взвесил риски и сделал выбор. Его выбор.

Именно в этот момент Бельфегор, наблюдавший за нашей немой сценой, тихо хмыкнул. Звук был коротким, грубоватым, но в нём читалось не столько насмешка, сколько... уважительное изумление. Он посмотрел на брата, потом на меня, и в его остром, хищном взгляде промелькнуло понимание. Он видел не просто ходячую жену, прихоть повелителя. Он видел то, что Самаэль, возможно, только сейчас начал осознавать сам: что его «слабость» обрела собственную волю. И эта воля была направлена не против него, а на укреп-

ление его же власти.

— Ну что ж, — произнёс Бельфегор, откидываясь на спинку стула, и на его губах появилась ухмылка, лишённая, впрочем, злорадства. — Похоже, твоя маленькая Ходячая оказалась с характером. Это меняет расстановку. Приятно, когда актив не просто лежит мёртвым грузом в сокровищнице, а... работает на тебя.

Самаэль бросил на брата быстрый, предупреждающий взгляд, но тот лишь развёл руками в показном смирении.
— Ладно, ладно. Твоё решение, брат. Но раз уж она согласна... план хорош. Риск оправдан. Дай мне пару дней на подготовку эскорта и разведку точного маршрута. — Он встал, собрав свитки. На прощание ещё раз оценивающе посмотрел на нас обоих. — Интересные времена. Очень интересные.

И с этими словами он вышел, оставив нас вдвоём в тишине столовой, наполненной утренним светом и тяжестью только что принятого решения.

Его слова повисли в тишине после ухода Бельфегора. Он не смотрел на меня, его взгляд был прикован к остывающей чашке, но вся его поза — чуть склонённые плечи, напряжённая линия губ — говорила о внутренней борьбе.

— Эмма, — повторил он тише, наконец поднимая глаза. — Ты могла отказаться. И я бы понял.

В этих словах не было проверки. Не было скрытого упрёка или попытки дать задний ход. Это была чистая, обнажённая

ная констатация. Он давал мне лазейку. Шанс отступить в безопасную тень его защиты, вернуться к роли пассивного сокровища, за которое он несёт полную и единоличную ответственность.

Он *хотел*, чтобы я отказалась. Это читалось в глубине его золотых глаз, в едва заметной тени облегчения, которая могла бы там мелькнуть. Потому что тогда всё было бы проще. Потому что страх за меня разъедал его изнутри куда сильнее, чем он готов был признаться даже самому себе.

Я обошла стол и подошла к нему. Не села. Остановилась рядом, положив руку на спинку его стула. — Я знаю, — сказала я так же тихо. — Что ты понял бы. Но я не хочу, чтобы ты *просто* понимал.

Я сделала паузу, собирая мысли в кучу, пытаюсь выразить то, что чувствовала интуитивно, но не могла облечь в точные слова. — Вчера... ты стоял между мной и ним. Ты принял весь удар. И я открыла ту... Пучину. Мы сделали это *вместе*. — Я посмотрела ему прямо в глаза. — Если сейчас я отступлю, если позволю снова просто прятаться за твоей спиной, то всё, что было вчера... это просто несчастный случай. Авария, которую ты устранил. А я... я снова буду просто вещью, которую нужно охранять.

Я качнула головой. — Я не хочу быть просто вещью в твоей сокровищнице, Самаэль. Даже самой ценной. Твой брат, как ни цинично это прозвучало, прав. Я могу быть... активом. Но актив должен работать. Должен приносить поль-

зу. И если моя «польза» сейчас — это показать, что твоя власть настолько прочна, что даже я, твоя самая большая уязвимость, могу ходить по краю бездны под твоим флагом... то я хочу это сделать. Не потому что ты приказал. Потому что я *выбираю*.

Он слушал, не перебивая, его лицо было каменной маской, но в глазах бушевала буря. Я видела, как его пальцы сжались в кулак на столе, костяшки побелели.
— Это опасно, — выдохнул он, и это было не возражение, а признание. Признание того, что мой выбор его пугает. Сильнее, чем любая явная угроза.
— Жизнь с тобой опасна, — парировала я просто. — Я это уже усвоила. Так пусть эта опасность будет... осмысленной. Пусть она будет *нашей*, а не просто твоей проблемой.

Он долго смотрел на меня, и постепенно напряжение стало спадать с его плеч. Каменная маска дала трещину, и сквозь неё проглянуло что-то вроде... уважения. И горькой гордости.

— Чёрт возьми, Эмма, — прошептал он, проводя рукой по лицу. — Ты каждый раз находишь способ перевернуть всё с ног на голову. — Он вздохнул и откинулся на спинку стула, его взгляд стал более собранным, деловым. — Хорошо. Твой выбор. Но правила устанавливаю я. Каждый шаг. Каждый вздох. Ты слушаешься безоговорочно. Поняла?

— Поняла, — кивнула я, и в моём согласии не было покорности. Было партнёрское признание главенства капитана

на корабле, который мы теперь вели вместе в ещё более бурные воды.
 — Пошли, тебе нужна тренировка открытия порталов. Твои силы вчера показали, что есть лимит и нужно лимиты отодвинуть. Я снял якоря на сегодня и подготовил книгу о 1000 мирах. Готова к эксперименту?

Его предложение прозвучало как гром среди ясного неба. Не из-за «тренировки» — после вчерашнего это было логично. А из-за слов «снял якоря».

— Ты снял якоря? — переспросила я, не веря своим ушам. Якоря — те самые мощные источники энергии, которые удерживали мои спонтанные порталы в пределах замка, не давая мне провалиться в неизвестность или, что хуже, открыть дверь куда не следует. Это была моя единственная страховка, его главный механизм контроля, что я не сбегу.

Он смотрел на меня, и в его глазах, помимо деловой собранности, читался опасный, знакомый блеск — смесь научного любопытства и безумного азарта, который заставлял его играть с самыми тёмными силами.
 — Да, — подтвердил он, и в его голосе не было и тени сомнения. — Мне показалось... что можно. — Он сделал паузу, и в уголке его губ дрогнуло что-то, отдалённо напоминающее улыбку. — Или я опрометчив?

Это был не вопрос. Это был вызов. И проверка. Он хотел увидеть не только пределы моей силы, но и пределы моего доверия к нему. И свои собственные пределы как того, кто эту силу отпускает с поводка. Сердце заколотилось ча-

ще. Страх, острый и чистый, кольнул под рёбра. Без якорей я была непредсказуема. Я могла открыть портал куда угодно. Или не открыть вовсе, выдохшись, как вчера. Или открыть что-то, что не должна была. Но рядом с этим страхом возникло другое чувство — пьянящее, опасное. Свобода. Возможность не просто тыкаться в щели его замка, а по-настоящему *прощупать* ткань миров. И доверие. Он, контролирующий всё и вся, *добровольно* снял ограничения. Потому что увидел во мне не просто угрозу или инструмент, а ученика. Потенциал.

Я посмотрела на него, на его серьёзное, ожидающее лицо, на книгу в его руках — массивный фолиант в кожаном переплёте, от которого веяло пылью веков и звёздной пылью.
— «О 1000 мирах»? — уточнила я, пытаюсь звучать твёрже, чем чувствовала.
— Энциклопедия ключевых точек, ландшафтов энергии, — кивнул он. — Не для чтения. Для навигации. Чтобы у тебя был... компас. Вместо якорей.

Он поднял книгу чуть выше.
— Так что, Эммануэль Дионис? Готова к эксперименту? К настоящему?

В его голосе звучала не только опасность, но и странное, почти что гордое ожидание. Как будто он представлял меня не только себе, но и самому себе — той, кто сможет это выдержать. Кто сможет шагнуть за рамки, которые он сам же и установил.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как страх и азарт сме-

шиваются в единый, горький коктейль где-то в районе солнечного сплетения. Я вспомнила его руку на моей в воде. Его взгляд, когда он сказал «моя Эмма». Его готовность сразиться с Абаддоном.
 Он рисковал мной. Но он рисковал и для меня.

— Да, — сказала я, и мой голос не дрогнул. — Готова. Покажи мне, где находятся звёзды.

 Я встала. Ноги всё ещё были немного ватными, но решимость придавала им твёрдости. Прежде чем он успел развернуться и повести меня в подготовленное им, наверное, особое место для тренировок, я поймала его за руку.

Его кожа под моими пальцами была тёплой, слегка шероховатой от старых шрамов. Он остановился, не пытаясь вырваться, и обернулся, брови слегка приподняты в немом вопросе.

— Спасибо, — выдохнула я, глядя на наши соединённые руки, а потом подняла взгляд на его лицо. — И ты прав. В якорях... больше нет смысла.

Глава 5. Влюбленный дурак

Эти слова были не просто благодарностью за доверие. Это было признание. Признание того, что наша связь, этот странный, прочный и ужасающий альянс, переросла необходимость в физических ограничителях. Что он больше не мог (или не хотел) удерживать меня на привязи, потому что сама привязь изменилась. Она стала не цепью, а нитью. И он рисковал, отпуская её длину.

Он уставился на меня. Просто уставился. Его золотые глаза расширились, в них промелькнуло что-то стремительное и неуловимое — шок, изумление, а потом... глубокая, всепоглощающая серьёзность. Он понял. Понял весь вес сказанного мной. Понял, что я не просто приняла его решение, а разделила его суть.

— Эмма... — произнёс он моё имя, и оно прозвучало у него на устах не как привычное владение или насмешка, а как нечто хрупкое и значимое. Как клятва, произнесённая впервые.

Он не стал ничего добавлять. Не стал комментировать мою благодарность или подтверждать свою правоту. Он просто развернул свою ладонь и переплел пальцы с моими. Его хватка была крепкой, но не сковывающей. Это было рукопожатие союзников. Скрепление новой, устной договорённости, которая была страшнее и прочнее любого магического

контракта.

— Тогда пошли, — сказал он уже обычным, слегка хрипловатым тоном, но в его глазах всё ещё горел тот странный, тёплый огонь. — Покажу тебе, где можно найти вход в мир, где идёт бесконечный золотой дождь из лепестков. Или в тот, где океаны состоят из расплавленного серебра. Или... — он усмехнулся, уже с привычной долей опасной игривости, — ...в тот, где обитают существа, питающиеся исключительно страхом неудач. Для начала.

Решение созрело и вырвалось наружу прежде, чем успела оформиться в мысль. Не было расчёта, не было желания произвести эффект. Просто порыв — чистый, неудержимый, как пружина, сжатая всеми вчерашними страхами, сегодняшними признаниями и этим новым, головокружительным доверием.

Я оттолкнулась от пола и прыгнула. Не высоко, но достаточно, чтобы обвить его шею руками, а ногами — упереться ему в бёдра. Я вцепилась в него, как в единственную скалу посреди бушующего моря, прижавшись всем телом, уткнувшись лицом в его шею, в то место, где пульсировала жила.

— Эмма! — его восклицание было больше удивлённым, чем сердитым. Он инстинктивно подхватил меня под коленями, чтобы я не соскользнула, его свободная рука обвила мою спину, прижимая ещё ближе. Он стоял, застыв на секунду, потрясённый этой внезапной атакой нежности и... зависимости.

Потом его тело дрогнуло. Сначала от напряжения, а потом — от тихого, сдавленного смеха, который вырвался у него из груди.
 — Что это? Внезапная атака? — пробормотал он мне в волосы, но его руки не отпускали, наоборот, сжали крепче.
 — Спасибо, — снова выдохнула я ему в кожу, уже не в силах выговорить ничего более сложного. В этом слове и прыжке было всё: за доверие, за риск, за то, что он видел во мне больше, чем видел кто-либо, даже я сама.

Он замолчал. Просто стоял, держа меня на руках, как что-то драгоценное и хрупкое, пока его смех не стих, сменившись глубокой, спокойной тишиной. Он повернул голову и губами коснулся моей височной кости. Не поцелуй. Просто прикосновение. Точка контакта.
 — Дурочка, — прошептал он, но в этом слове не было оскорбления. Была та самая, невозможная, демоническая нежность. — Как же мы теперь до тренировочного зала доберёмся? В таком виде?

Я лишь сильнее вцепилась в него, давая понять, что не слезу. Что сейчас мне нужно именно это — быть как можно ближе, чувствовать его силу, его тепло, его дыхание. После вчерашней пустоты и страха, после сегодняшних тяжёлых решений — это было лекарство.

Он вздохнул с преувеличенной скорбью, но сделал шаг. Потом ещё один. И понёс меня. Не на руках, как ношу, а *просто нёс*, позволяя мне висеть на нём, как капризному ребёнку. Его шаги были уверенными, а его присутствие — самым надёжным якорем в мире, даже если все остальные яко-

ря были сняты. Мы двигались по коридору, и, наверное, выглядели нелепо: грозный архидемон с растрёпанной женой, вцепившейся в него как обезьянка. Но в этой нелепости была наша, странная и настоящая правда.

Мой смешок, тихий и счастливый, прозвучал прямо у него в ухе. Он почувствовал, как моё тело содрогнулось от смеха, и его шаг на мгновение споткнулся.

Он остановился посреди коридора, всё ещё держа меня. Потом медленно, очень медленно опустил меня на ноги, но не отпустил — его руки остались на моей талии, а мои — на его плечах. Мы стояли так, лицом к лицу, в полумраке перехода. Он смотрел на меня. В его глазах, обычно таких острых и расчётливых, сейчас была каша из эмоций: остаточное изумление, лёгкая растерянность и что-то глубокое, тёплое, что пробивалось сквозь все его демонические защиты.

— Ты точно изменилась, Эмма, — произнёс он тихо, почти на грани шёпота. Его голос был хриплым, лишённым привычной бархатистой убедительности. — И я не понимаю... как. Почему. После всего... после вчерашнего... — он запнулся, не в силах подобрать слова для парадокса, которым я для него стала.

Он провёл большим пальцем по моей щеке и этот жест был бессознательно нежным.
— Но мне... — он снова остановился, его золотые глаза искали что-то в моих. — Мне приятно.

Он выдохнул это слово, будто признаваясь в чём-то по-

стыдном и прекрасном одновременно. «Приятно». Не «удобно», не «выгодно», не «занимательно». Приятно. Простая, человеческая эмоция, которую он, архидемон Повелитель Отчаяния, сейчас испытывал от моей спонтанной, дурацкой, необъяснимой вспышки радости и доверия.

Он не понимал этого изменения во мне. Не понимал, как страх и ужас могли трансформироваться в эту способность прыгнуть ему на шею и захихикать. Но он принимал это. Более того — он находил в этом... удовольствие. И это, возможно, было самым большим чудом из всех.

Я улыбнулась ему, широко и глупо, чувствуя, как что-то огромное и светлое распирает грудь.
— Мне тоже, — прошептала я в ответ. — Приятно. Что ты... вот такой.

Он фыркнул, и на его губах появилась та самая, редкая, настоящая улыбка, которая доходила до глаз.
— «Вот такой»? С тобой на руках посреди коридора, как какой-то влюблённый дурак? Да, определённо, приятно, — пошутил он, и сам же замер.

Словно слова, слетевшие с его языка на волне этой нежной, непривычной откровенности, вдруг обрели вес и смысл. Улыбка застыла, а затем медленно сползла с его лица. Его глаза, только что тёплые и смеющиеся, стали остекленевшими. Он напрягся всем телом, его пальцы непроизвольно сжались, почти до боли.

«Влюблённый дурак».

Для него, архидемона, существа, чья природа строилась

на власти, контроле, расчёте и страсти, которая была ближе к одержимости или болезни, это слово было... чужим. Запретным. Опасным. Оно описывало состояние слабости, глупости, уязвимости, которое он презирал в других и никогда не допускал в себе.

И он только что *примерил его на себя*. В шутку. Но шутка вдруг обернулась зеркалом, в котором он увидел не просто себя, несущего жену. Он увидел *именно* это — влюблённого дурака, потерявшего голову от простых эмоций. И этот образ, этот ярлык, вонзился в него, как нож.

Он отшатнулся от меня, разжав пальцы. Его лицо стало маской, но под ней бушевала настоящая буря — паника, отрицание, ярость на самого себя. — Я... — он начал и замолчал, сглотнув. Его взгляд метнулся по сторонам, будто ища врага, но враг был внутри. — Это была просто... фигура речи. Глупая шутка.

Он произнёс это резко, почти грубо, отряхиваясь от налипшего на него ощущения, как от чего-то грязного. Но в его глазах читалась не ложь, а настоящий, животный страх. Страх перед тем, что эта «глупая шутка» может оказаться правдой.

Я замерла, увидев эту мгновенную трансформацию — от мягкой улыбки до ледяной маски панического отторжения. Я *поняла*. Поняла, как работает его разум. Если в нём действительно зародилось *это* — то, что он с презрением называл «влюблённым дураком», — он не станет это лелеять.

Он начнёт *ломать*. Ломать в себе. А ломая в себе, он неизбежно начнёт ломать и то, что вызвало это чувство. То есть — меня. Не физически, нет. Но холодом, отстранённостью, жестокостью — всем арсеналом, которым он отгораживался от любой слабости.

Мысль пронзила меня острее любого лезвия Абаддона. Я не могла этого допустить. Не тогда, когда между нами только-только установилось это хрупкое, чудесное равновесие доверия и... «приятно».

Инстинкт самосохранения сработал быстрее сознания. Я сделала шаг назад. Его взгляд, остекленевший и невидящий, даже не последовал за мной. Ещё шаг. Потом я развернулась и побежала.

Не от страха перед ним. От страха за то, что он может разрушить в нас обоих. Я побежала по коридору, шлёпая босыми ногами по холодному камню, шёлк халата развевался за мной. Я не оглядывалась. Я просто мчалась в нашу спальню, как в единственное убежище, где, может быть, ещё можно было спрятаться от этого открывшегося ему и испугавшего его до смерти прозрения.

Я влетела в комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле. Что теперь? Ждать, когда он придёт, уже другим — холодным, расчётливым, готовым выжечь эту «слабость» калёным железом? Или... или я могла сделать что-то первая. Но что?

Я стояла, прижавшись к двери, слушая тишину коридора

и гул собственной крови в ушах, понимая, что только что сама спровоцировала кризис, от которого теперь зависело всё. Всё наше хрупкое, невозможное «приятно».

Глава 6. Моя сложность

Мысль металась, как пойманная птица. Открыть портал? Да, я могла. Но куда? В человеческий мир? Он найдёт. В любом из его владений — тем более. И тогда его ярость от моего бегства смешается с ужасом перед собственным прозрением, и всё станет только хуже. Намного хуже.

И тогда в голове, отчаянно ищущей хоть какого-то безопасного существа, всплыл образ. Огромный, трёхглавый, с горящими как угли глазами... и с абсолютной, собачьей преданностью не мне, а *ему*. Цербер. Страж порталов. Существо, чья лояльность была вне сомнений, но чья природа была проще. Он не станет анализировать, не станет осуждать. Он просто... будет там.

Я сжала кулон, мысленно вырвав образ пса из памяти — из тех редких раз, когда Самаэль водил меня в самые нижние залы, чтобы показать «основу безопасности». Пространство передо мной дрогнуло и разорвалось, открыв вид на огромную, тёмную пещеру с цепями, вмурованными в камень. И посреди неё, подняв все три головы от лап, сидел он.

Я, не раздумывая, шагнула в портал и бросилась к нему, обвив руками мощную шею под средней головой. Грубая шерсть пахла камнем, дымом и чем-то древним. Цербер зарычал от неожиданности — низкий, не угрожающий, а скорее удивлённый гул, от которого задрожал пол. Его головы

повернулись, горячие носы тыкались в мои плечи, волосы, обнюхивая.

— Тише, тише, — прошептала я, прижимаясь к нему, чувствуя, как слёзы наконец подступают к глазам. — Я просто... я просто побоялась.

Я боялась не его. Я боялась того, что теперь Самаэль решит сломать. Всё. И себя. И меня в том числе. Тот взгляд, полный панического отторжения, был для меня приговором. Приговором нашему хрупкому миру. Я не хотела его видеть снова. Не хотела быть свидетельницей того, как он будет его приводить в исполнение.

За моей спиной воздух снова заколебался. Он нашёл. Быстро. Слишком быстро. Я не оборачивалась. Я вжалась в Цербера, чувствуя, как открывается второй портал — уже не мой. Он шёл по моему следу.

Я оттолкнулась от пса и, не глядя на тот, только что открывшийся проём, снова сконцентрировалась. На сей раз — на знакомом образе нашей гостиной, с камином и ковром. Я рванула пространство к себе и прыгнула в него, едва оно сформировалось.

Я выпала на пол в гостиной, спотыкаясь о край ковра. И тут же, почти в тот же миг, с влажным хлопком открылся портал прямо посреди комнаты. Из него, с лицом, искажённым не гневом, а какой-то лихорадочной, хищной решимостью, шагнул он.

Самаэль. Он не кричал. Не рычал. Он просто вошёл, его

взгляд, острый как бритва, тут же нашел меня на полу. И пошёл. Медленно, неотвратно, словно хищник, загнавший добычу в угол. В его глазах не было той паники, что была в коридоре. Теперь там горел холодный, методичный огонь того, кто принял решение и теперь будет его исполнять. До конца.

Слёзы, которые я сдерживала у Цербера, теперь хлынули потоком. Они катились по щекам горячими, солёными ручьями, капали на халат и на ковёр подо мной. Я не пыталась их смахнуть. Всё внутри сжалось в один ледяной комок отчаяния. *Нам конец. Мне конец.* Это был не просто страх. Это было знание. Я видела этот взгляд. Это был взгляд архитектора, пришедшего сносить здание. Наше здание. Хрупкое, только что построенное из доверия, «приятно» и немых обещаний.

Я повернулась к нему, сидя на полу, не пытаясь встать. Что было толку? Он был здесь. И в его глазах уже был вынесен приговор.

Он увидел мои слёзы.

И замер. Его неотвратимое, хищное шествие споткнулось о этот тихий, отчаянный поток. Холодный огонь в его глазах дрогнул, затрепетал, как пламя на сквозняке. Что-то в его напряжённой позе сломалось. Складка между бровей не разгладилась, но стала другой — не от гнева, а от боли.

— Эмма... — вырвалось у него. Одно слово. И оно прозвучало не как угроза, не как начало расправы. Оно прозвучало

чало... сломанно. Как стон. Как признание поражения в битве, которую он сам себе объявил.

Он не продолжил. Он просто стоял и смотрел на меня, на моё заплаканное лицо, и его собственная маска треснула окончательно. Вместо архитектора сноса передо мной был просто... человек. Демон. Существо, которое только что осознало, что снос этого здания убьёт не только его, но и того, кто внутри. И что этот «кто-то» плачет. Плачет от страха перед *ним*.

Он сделал шаг. Не вперёд, а как бы в сторону, к камину, опёрся рукой о мантиль, опустив голову. Его спина была напряжена, плечи подняты.
— Чёрт... — прошептал он в камин, и в его голосе была такая горечь, такая ярость на самого себя, что у меня перехватило дыхание. — Эмма, я не... я не собираюсь...

Он не смог договорить. Он снова посмотрел на меня, и в его глазах уже не было ни паники, ни холодной решимости. Была только мучительная, неподдельная растерянность и что-то очень похожее на отчаяние.
— Эти слёзы... — он сглотнул. — Они из-за меня?...

Он оттолкнулся от камина и медленно, будто каждое движение давалось ему с огромным трудом, опустился на колени передо мной, на ковёр. Он не приближался, не пытался коснуться. Он просто сидел на коленях, смотря на меня снизу вверх, и в этой позе было что-то невероятно уязвимое.

— Я испугался, — признался он тихо, и это прозвучало

как самое страшное признание из всех возможных. — Не слова. Не угрозы. Себя. Того... что ты можешь сделать со мной. И я подумал, что если сломаю это первым... то будет проще. Будет... безопасно. Для нас обоих. — Он горько усмехнулся. — Какой же я дурак. Потому что вижу твои слёзы и понимаю... что сломать это — всё равно что сломать тебя. А этого... этого я не могу. Даже если буду бояться этого до конца своих дней.

 — Самаэль, — перебила я его, голос всё ещё дрожал, но в нём появилась твёрдость. Я смотрела на него, сидящего на коленях, на этого могущественного, сломленного демона.

Он поднял на меня взгляд, изумлённый. Но прежде чем я успела продолжить, он сам заговорил. Его голос был низким, хриплым от сдерживаемых эмоций, но в нём не было растерянности. Была новая, странная серьёзность.

— Никогда, — сказал он чётко, и его золотые глаза загорелись тем самым, знакомым, властным огнём, но теперь он был направлен не на меня, а на какую-то внутреннюю установку. — Никогда не плачь из-за меня.

Он сделал паузу, его взгляд скользнул по моим влажным щекам, и он скривился, будто от боли.
 — Мне... — он запнулся, ища слова, что для него было редкостью. — Мне не нравится. Когда ты плачешь. Из-за меня. — Он поднёс свою руку к собственной груди, к тому месту, где должно было биться его демоническое сердце, и резко, почти грубо, тыкнул себя пальцами. — Это отдаёт вот здесь. Неприятно.

Словно что-то ржавое и острое вонзается и скребёт изнутри.

Он говорил не о душевной боли. Он описывал физическое ощущение, отторжение, почти что аллергическую реакцию его сущности на причинённое мне страдание. Для него, привыкшего причинять боль как инструмент или даже как наслаждение, *это* — боль, которую он причинял *мне* и которая возвращалась к нему вот таким вот, непонятным, корчащим внутренности образом, — было чем-то новым и отвратительным.

— Я не знаю, что это, — признался он, всё ещё держа руку на груди, его лицо было сосредоточенным, будто он прислушивался к странным ощущениям в своём теле. — Но я знаю, что не хочу этого чувствовать снова. Поэтому, Эмма... — его взгляд снова стал пристальным, но теперь это был взгляд не хищника, а того, кто заключает самый важный в своей жизни договор. — Не плачь. Из-за меня. Лучше ударь. Прокляни. Укуси. Но эти слёзы... они делают со мной что-то неправильное. И я не хочу, чтобы со мной происходило что-то неправильное из-за тебя.

Я вытерла слёзы тыльной стороной ладони, оставляя на коже влажные полосы. Его слова, странные и жёсткие, тем не менее, действовали. Они давали форму тому хаосу, что был внутри. Он не просил не чувствовать. Он просил не показывать это *таким* образом. Это я могла понять. Это я могла принять.

— Я испугалась... — прошептала я, глядя на свои колени,

сжатые в комок шёлка халата.

Он замер, его рука всё ещё лежала на груди. — Меня? — спросил он, и в его голосе снова, несмотря на всё, прозвучала тень привычной, холодной уверенности. Как будто страх перед ним был единственной логичной реакцией.

Я покачала головой. — Нет. — Я подняла на него взгляд. — Того, что ты можешь сделать.

Его брови поползли вверх. — С тобой?

— Нет, — снова сказала я, и на этот раз голос стал твёрже. Я обняла свои колени. — С нами.

Эти два слова повисли в воздухе густыми, значимыми. Они были важнее любых других. Я испугалась не его ярости, направленной вовне. Не его холодности. Я испугалась той внутренней, саморазрушительной ярости, что я увидела в его глазах в коридоре. Я испугалась, что он, чтобы защититься от непонятного чувства, начнёт ломать самое хрупкое и ценное, что между нами возникло. Наше «приятно». Наше доверие. Нашу странную, новообретённую связь, которая была сильнее якорей.

— Я испугалась, что ты, чтобы не быть «влюблённым дураком», решишь, что проще вообще ничего не чувствовать, — выдохнула я. — Или чувствовать только то, что привык. Гнев. Власть. Боль, которую причиняешь другим. И что тогда... «мы» кончимся, не успев начаться. А я... я только начала привыкать к этому «мы».

Он слушал, не двигаясь. Его рука медленно опустилась

с груди на колено. Он смотрел на меня, и в его глазах шла сложная работа. Он слышал не обвинение. Он слышал диагноз. И прогноз. Тот самый, который, вероятно, уже начал выстраивать у себя в голове, прежде чем я убежала.

— «Мы», — повторил он тихо, как будто пробуя это слово на вкус. Для него, всегда бывшего одиноким вершителем своей судьбы, это было так же ново и странно, как и «влюблённый дурак». — Ты боишься, что я разрушу... «нас».

Он не спрашивал. Он констатировал. И в этой констатации уже не было паники. Было тяжёлое, усталое понимание.
— Возможно, ты права, — признался он, и это было страшнее любой бравады. — У меня нет... опыта в сохранении таких вещей. Только в уничтожении или обладании. А это... — он махнул рукой между нами, — ...не укладывается ни в одну из этих категорий.

— Я могу уйти... — слова вырвались тихим, но чётким шёпотом, прежде чем я успела их обдумать. Я смотрела на его колени, на узор ковра, куда угодно, только не на него. — Тебе так будет проще. Возможно.

Я сказала это не как угрозу и не как шантаж. Это была логическая цепочка отчаяния. Если «мы» — это источник его внутреннего конфликта, его боли, его страха перед самим собой... тогда устранение «меня» должно было решить проблему. Я предлагала ему лёгкий выход. Тот самый, на который он, как прагматичный архидемон, должен был бы согласиться. Отправить проблемный актив подальше, чтобы вос-

становить внутреннее равновесие.

Но даже произнеся это, я чувствовала, как что-то внутри рвётся с мучительным, тихим треском. Уйти? От него? После всего? После сада, после Пучины, после его «приятно» и его руки, держащей мою в воде? Это казалось невыносимым. Но я говорила это, потому что в тот момент это казалось единственным... благородным? Или просто наименее разрушительным?.. поступком.

Я ждала. Ждала его холодного, расчётливого «Да». Ждала, что он поднимет голову, и в его глазах будет облегчение. Ждала, что этот кошмар непонимания и страха наконец разрешится простым, чудовищно болезненным, но понятным способом. Тишина после моих слов была густой, как смола. Я ждала рационального, холодного решения. Логического вывода повелителя, который устраняет помеху.

Вместо этого он засмеялся.

Коротко, хрипло, почти болезненно. Звук был лишён веселья. В нём была горечь, усталость и что-то вроде... изумления перед моей глупостью.

— Уйти? — произнёс он, и его голос приобрёл ту самую, бархатисто-опасную мягкость, которую я так хорошо знала. Но теперь в ней не было игры. Была стальная, неоспоримая уверенность. — Чтобы мне было *проще*? О, Эмма. Ты до сих пор так мало понимаешь.

Он поднялся с колен. Не резко. Медленно, с той кошачьей грацией, что всегда таила в себе угрозу. Он сделал шаг ко

мне, потом ещё один, пока не оказался прямо передо мной, всё ещё сидящей на полу. Он не наклонился. Просто смотрел сверху вниз, и его тень накрыла меня целиком.

— Ты думаешь, что если ты уйдёшь, эта... *штука* здесь, — он снова ткнул себя в грудь, — перестанет скрежетать? Что я снова стану тем, кем был? Холодным, спокойным, *удобным*?

Он покачал головой, и его белые волосы упали на лоб.
— Нет. Ты уже здесь. Вписана. Как та самая Пучина, которую ты открыла — дыра в реальности. Только эта дыра — во мне. И если ты уйдёшь, она не закроется. Она останется. Пустой. И будет скрежетать ещё громче. Потому что будет напоминать о том, что было, и чего больше нет.

Он опустился передо мной на одно колено, чтобы быть на одном уровне. Его золотые глаза горели в полумраке гостиной.
— «Проще» было бы никогда не видеть тебя. «Проще» было бы отдать тебя Абаддону. «Проще» было бы сломать тебя в первую же ночь и выбросить душу, как мусор. Но ничего из этого не произошло. Потому что с самого начала, с того момента, как я впервые увидел этот дерзкий огонь в твоих глазах, несмотря на весь твой страх... стало *сложнее*. И я... — он запнулся, снова ища слова. — Я выбрал эту сложность. Каждый раз. Даже когда не понимал, что выбираю. Даже когда боялся её, как сегодня.

Он протянул руку и большим пальцем, грубовато, но без силы, стёр последние следы слёз с моей щеки.
— Так

что забудь об «уходе». Ты никуда не денешься. Потому что... — он наклонился так близко, что его дыхание коснулось моих губ, а его слова прозвучали как окончательный, не подлежащий обжалованию приговор, в котором, однако, не было тяжести. Была странная, тёплая, неизбежная правда. — Ты моя, Эмма. Всегда. Особенно сейчас. Особенно когда ты пугаешь меня до чёртиков, плачешь из-за меня и предлагаешь такие идиотские решения. Особенно тогда.

— Самаэль.. — выдохнула я его имя, не в силах вымолвить больше. В его словах, в этой тирании, скрывалось столько боли, признания и... любви... Нет, пожалуй это слово слабо, что бы описать то, что он пытался передать словми: что-то более сильное, более демоническое и более настоящее.

Он не дал мне договорить, не дал осмыслить. Его губы врезались в мои, пресекая любые вопросы, любые сомнения. Это был не нежный поцелуй. Это была печать. Властная, жадная, утверждающая. В нём была вся его ярость на самого себя, весь страх перед этой «сложностью», и вся его непоколебимая решимость никогда, никогда её не отпускать.

Он оторвался, его дыхание было горячим и неровным. Его золотые глаза, плававшие в сантиметре от моих, не оставляли места для дискуссии.

— Моя, — прошипел он, и в этом одном слове был весь закон его мира. — И точка.

Он встал, подняв меня за собой одной рукой не как принцессу — как добычу, которую он только что отвоевал у соб-

ственных демонов и у всего мироздания. И в этом жесте было обладание в его самой чистой, самой честной форме.

— А теперь, — сказал он уже более обыденным тоном, но в его глазах всё ещё бушевали отголоски бури, — раз уж мы выяснили, что ты никуда не денешься, и я обречён терпеть эту... сложность... может, вернёмся к тому, с чего начали? К звёздам? Или, — его губы дрогнули в намёке на улыбку, — тебе нужно ещё время, чтобы выплакаться над моим чёрствым, демоническим сердцем?

Он снова шутил. Но теперь в его шутке не было отстранённости. Было принятие. Принятие этой новой реальности, где он был «влюблённым дураком», а я — его «сложностью». И где ни он, ни я от этой реальности уже не откажемся.

Я вытерла последнюю влагу с ресниц и сделала глубокий вдох, стараясь уловить его новый, деловой настрой. Его похвала — сухая, почти что начальственная — странным образом успокаивала. Это была знакомая территория. Учитель и ученик. А не два искалеченных существа, разбирающих обломки своих эмоций.

— Спасибо, — кивнула я, и мой голос звучал уже более ровно. — Это... после вчерашнего, наверное.

— После вчерашнего много чего изменилось, — парировал он, но уже без подтекста. Он отошёл на пару шагов, освобождая пространство. — И одно из изменений — ты перестала бояться своей силы. Боишься последствий, боишься «нас»... — он бросил на меня быстрый взгляд, — ...но не

самой возможности рвать ткань миров. Это хорошо. Теперь выбирай.

Он сделал широкий жест рукой, будто предлагая мне на выбор весь невидимый каталог вселенных. — Куда хочешь отправиться? В место, которое описано в книге? Или... рискнёшь потянуться к чему-то, что просто почувствуешь? Без якорей, помнишь? Только твоё чутьё и моя... страховка, — он произнёс последнее слово с лёгкой, почти что вызывающей усмешкой.

Это был новый вызов. Более опасный, чем просто тренировка. Он предлагал мне не просто открыть портал, а *найти* его. Найти в бескрайнем океане возможностей то, что отзовется. Положиться на инстинкт, на ту самую силу, что вчера нашла Пучину.

Глава 7. Первый портал

Сердце заколотилось, но уже не от страха. От азарта. От этого странного, пьянящего чувства свободы и доверия, которое он мне давал, даже не осознавая этого до конца.

Я закрыла глаза, отбросив образы из книги. Вместо этого я прислушалась к себе. К тому, что гудело где-то в глубине после вчерашнего выброса энергии. К слабому, тёплому эху его камня на моей шее. И потянулась мысленно не к месту, а к... ощущению. К чему-то лёгкому. Безопасному. Такому, где не было ни охотников, ни крови, ни тяжёлых решений. Месту, где можно было бы просто... отдышаться.

Воздух передо мной замер, а потом мягко, беззвучно разошёлся, как занавес. Открывшийся проём не был чёрной дырой или мерцающим окном. Он светился мягким, перламутровым светом. Оттуда пахло... свежей, влажной землёй после дождя, сладкими ягодами и чем-то неуловимо живым и мирным.

Я открыла глаза и посмотрела на него.
 — Туда, — сказала я просто. — Хочу туда.

Он подошёл ближе, заглянул в портал, и на его лице появилось выражение лёгкого изумления.
 — Хм. Мир Первозданных Рощ. Место силы древних, но... спокойное. Безобидное. Для начала — идеально. — Он снова посмотрел на меня, и в его глазах читалось одобрение. Не только за

технику, но и за выбор. — Ну что ж, леди Эмма. Ваш выход. Я следом. И помни — ни шага без моего разрешения. Даже если там пахнет ягодами и выглядит как иллюстрация к детской сказке.

Я кивнула и, сделав ещё один глубокий вдох, шагнула в перламутровый свет, в мир, который я выбрала сама. Впервые.

Шагнула — и мир перевернулся. Вернее, не перевернулся, а раскрылся. Шум замка, запах камня и магии сменились оглушительным, живым грохотом падающей воды и влажным, пьянящим воздухом, наполненным запахом зелени, цветов и той самой свежести после дождя.

Мы стояли на небольшом уступе из замшелого камня. Прямо перед нами, с высоты в десятки метров, низвергался водопад. Не яростный, а мощный и величественный. Вода, чистейшая, с оттенком бирюзы, разбивалась о чёрные скалы внизу, поднимая облако мельчайшей водяной пыли, в которой играла радуга. Солнце настоящее, теплое, не искусственное пробивалось сквозь листву исполинских деревьев, чьи кроны терялись где-то в вышине. Всё вокруг было оттенками изумрудного, изумрудно-золотого, влажного чёрного и пенисто-белого.

— О-о-о, как красиво... — вырвалось у меня, прежде чем я успела сдержаться. Я задрала голову, пытаюсь охватить взглядом всё это великолепие, чувствуя, как брызги влаги оседают на моей коже, смывая последние следы слёз и на-

пряжения.

Позади меня раздался короткий, бархатный хмык Самаэля.
 — Тебя так легко удивить, жена, — произнёс Самаэль, и в его голосе звучала привычная насмешка, но теперь она была лишена едкости. Была... тёплой. Он стоял рядом, его белые волосы уже слегка намокли от водяной пыли и лежали тёмными прядями на лбу. — Водопад. Деревья. Банально.

— Не банально! — возразила я, не отрывая взгляда от радуги. — Это... настоящее. Живое. Не как в твоих садах с искусственными светлячками.

— В моих садах не пытаются сожрать неосторожного путника древние духи леса, — парировал он, но беззлобно. Он подошёл ближе к краю уступа, заглянул вниз, в бурлящий котёл у подножия водопада. — Хотя здесь, судя по энергии, они скорее... дремлют. Мирное место. Ты хорошо выбрала. Инстинкты не подводят.

Он повернулся ко мне, и солнечный луч, пробившийся сквозь листву, упал прямо на него, на его белые волосы, сделав их на мгновение сияющими. Он выглядел здесь, среди этой первозданной мощи, менее демоническим и более... природным. Как дух этих самых гор, только одетый в чёрные брюки и с насмешливым блеском в золотых глазах.

— Нравится? — спросил он уже без насмешки, просто констатируя факт.
 — Очень, — честно призналась я, наконец опуская взгляд на него.
 — Хорошо, — кивнул он.

— Первый урок в новых условиях: удержать портал открытым на таком расстоянии и при такой... живописности, — он снова хмыкнул, — требует концентрации. Не отпускай его. Почувствуй связь. Это не просто дверь. Это твой канал. Как он себя чувствует? Напряжён? Плавает?

Я закрыла глаза, отвлѣкшись от красоты, и сосредоточилась на том самом ощущении, что связывало меня с дрожащим, перламутровым пятном в воздухе за нашей спиной. Он был прав. Канал был... живым. Тѣплым. Немного неустойчивым, будто его покачивало от мощных потоков энергии этого мира. Но он держался.

— Держится, — выдохнула я. — Но... его колышет.
— Естественно. Ты присосалась к мощному источнику жизни. Он пульсирует. Подстройся. Сделай ритм своим. Не борись — плыви, — его голос был спокоен, инструктивен. Учитель снова взял верх.

Я попыталась представить, как моѐ собственное дыхание синхронизируется с этим далѣким, мощным пульсом мира. И канал... успокоился. Стал ровнее, увереннее.

— Получилось, — сказала я, открывая глаза.
Он улыбнулся — быстрой, одобряющей улыбкой.
— Отлично. Теперь можешь любоваться водопадом. Но недолго. У нас сегодня ещё много точек на карте. — Он сделал паузу и добавил, глядя на радугу: — Хотя... этот, пожалуй, один из самых впечатляющих, что я видел. Ты оказалась права. Не банально.

Я снова посмотрела на него — на его профиль, освещённый солнцем и отблесками воды, на ту сосредоточенную, спокойную серьёзность, с которой он наблюдал за моей магией. И что-то внутри щёлкнуло. После всей этой боли, страха, слёз и тяжёлых разговоров... здесь было просто. Красиво. И *наше*.

Не раздумывая, я развязала пояс халата. Ткань, ещё тёплая от моего тела, легко соскользнула с плеч и упала на влажный, покрытый мхом камень у моих ног. Под ним было только лёгкое ночное бельё, тонкое и почти невесомое.

Я не стала ждать его реакции. Развернулась и сделала несколько шагов назад, к самому краю уступа, где камень плавно уходил в тёплую, бирюзовую воду горного озера, подпитываемого водопадом. Вода касалась моих босых ступней — прохладная, но не ледяная, живая.

Я почувствовала его взгляд на своей спине. Пристальный, обжигающий. Но я не обернулась. Просто шагнула с уступа в воду. Глубина оказалась по пояс сразу. Я вздрогнула от контраста температуры, но не остановилась. Сделала ещё шаг, и ещё, пока вода не поднялась до плеч. Тяжёлые, мокрые от брызг волосы поплыли вокруг меня. Я откинула голову, позволив шуму водопада и свежести воды смыть последние остатки напряжения.

Только тогда я повернулась лицом к берегу. Он всё ещё стоял там, где я его оставила. Халат лежал у его ног, как брошенный вызов. Его лицо было нечитаемым, но золотые глаза

горели в тени деревьев со знакомой интенсивностью. Он не двигался. Просто смотрел. На меня, стоящую в чистой воде, с каплями, стекающими с ресниц, в тонком белье, ставшем почти прозрачным от намокания.

— Охлаждаешься? — прокомментировал он наконец, и его голос был ровным, но в нём слышалось низкое, вибрирующее напряжение. — Или проверяешь, не уснули ли тут древние духи?

— И то, и другое, — ответила я, и мой голос прозвучал громче и увереннее, чем я ожидала, перекрывая грохот воды. — А ты? Будешь стоять там, как столб, или архидемоны тоже умеют плавать?

Это был вызов. Глупый, безрассудный, после всего, что было. Но здесь, в этом сияющем мире, под этим настоящим солнцем, страх и осторожность казались чем-то далёким и ненужным.

Его губы дрогнули в медленной, опасной улыбке. — О, я умею много чего, жена, — сказал он и, не сводя с меня взгляда, начал расстёгивать пуговицы на своих чёрных брюках. — Но плавать... да, это входит в список. Особенно если цель того стоит.

И он шагнул в воду, не сбавляя темпа, направляясь прямо ко мне, его белые волосы уже тёмными прядями падали на лоб, а глаза не отпускали меня ни на секунду. Сделав последний шаг с уступа, он оттолкнулся и нырнул — длинный, мощный рывок, почти бесшумный. Он исчез в бирюзовой

глубине, оставив после себя лишь расходящиеся круги.

Я замерла, следя за водой. Сердце ёкнуло от неожиданности и чего-то ещё — предвкушения. Шум водопада заполнял всё, но под этой какофонией я вдруг услышала тишину его движения где-то в глубине.

Он вынырнул прямо передо мной, в полуметре. Взрыв брызг, прохладных на моей коже. Он встал на ноги, вода была ему чуть выше пояса. Капли стекали по его груди, сбегали с острых скул, с кончиков белых ресниц. Он откинул мокрые волосы со лба, и его золотые глаза, яркие и насмешливые, впились в меня.

— Ну? — произнёс он, и его голос был низким, немного хриплым от воды. — Довольна внезапностью, жена? Или испугалась, что я превратился в местного водяного и утащу тебя на дно?

Он был так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло, контрастирующее с прохладой воды. Его присутствие было осязаемым, властным, как всегда, но здесь, в этой стихии, оно казалось более... естественным. Как будто он был частью этой мощи — водопада, озера, древней силы места.

— Я подумала, что ты решил сбежать от урока, — парировала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Испугался, что я открою портал прямо у тебя под ногами и отправлю куда-нибудь... менее живописное?

Он рассмеялся — коротко, звучно, и этот смех смешался с рёвом воды.
— Мне? Бояться? Твоих порталов? — Он

покачал головой, и капли разлетелись веером. — После вчерашнего я, пожалуй, больше боюсь твоей способности принимать идиотские решения вроде этого, — он обвёл рукой наше окружение, но его взгляд при этом скользнул по моим плечам, обнажённым под мокрой тканью. — Но, должен признать... в этом есть свой шарм.

Он сделал крошечный шаг вперёд, сокращая и без того маленькое расстояние между нами. Вода зашевелилась вокруг нас.
 — Холодно? — спросил он уже тише, и его взгляд стал более пристальным, изучающим.
 — Немного, — призналась я, и тело само собой подтвердило это, пробежав лёгкой дрожью.
 — Согрею, — заявил он просто и без лишних церемоний обвил меня руками, притянув к себе. Его тело было горячим, как раскалённый камень, вопреки прохладной воде. Я вскрикнула от неожиданности и контраста ухватившись за его мокрые плечи.

— Вот так лучше? — прошептал он прямо мне в ухо, его губы почти касались кожи.
 Я могла только кивнуть, прижавшись к нему, чувствуя, как дрожь отступает, сменяясь другим, более знакомым и опасным теплом. Урок о порталах, кажется, был временно отложен. Вместо него начался другой — о том, как стихия его присутствия могла с лёгкостью затмить даже мощь водопада.

Его губы нашли мои не в нежном поиске, а в точном, властном захвате. Вода, холодная и живая, была вокруг, но его поцелуй был горячим и бесконечно требовательным. В

нём был вкус этой дикой свободы, того безумия, что заставило меня сбросить халат и шагнуть в озеро, и его собственного, ответного безумия, которое заставило его нырнуть и вынырнуть прямо здесь, прямо сейчас.

Он оторвался, всего на сантиметр, его дыхание смешалось с моим в облачке пара на холодном воздухе. Его золотые глаза, мокрые от воды, сверлили меня насквозь.

— Ты опасная, Эмма, — прошептал он, и его голос был хриплым, на грани срыва. — Очень.

Он сказал это не как угрозу. Как откровение. Как признание факта, который его одновременно пугал и заводил до безумия.
— Опасная не силой, — продолжил он, его губы снова коснулись моих, уже легче, почти нежно, пока он говорил. — Не этими порталами. Ты опасна *тем*, что заставляешь меня забывать. Забывать, кто я. Забывать, где я. Забывать, что есть границы, правила, осторожность.

Он прижал меня к себе ещё сильнее, и я почувствовала всю твёрдую длину его тела через тонкую, мокрую ткань.
— Ты заставляешь меня нырять в ледяную воду посреди рабочего дня. Заставляешь бояться собственных мыслей. Заставляешь чувствовать это... — он снова ткнул себя в грудь, на этот раз моей рукой, которую поймал и прижал к своему сердцу. Оно билось дико, почти так же быстро, как моё. — ...скрежетание, которое сейчас больше похоже на... на бурю. Приятную бурю.

Он снова поцеловал меня, уже глубже, яростнее, и в этом

поцелуе была вся его признанная «опасность». Опасность того, что я могла сломать его холодный контроль. Опасность того, что он *позволял* мне это делать. И опасность того, что ни он, ни я уже не хотели иного пути.

Когда он наконец отпустил мои губы, мы оба тяжело дышали. Водопад ревел, будто аплодируя этому безумию.
— Так что да, — выдохнул он, прижимая лоб к моему. — Ты опасна. И я не хочу, чтобы это прекращалось. Даже если это убьёт меня в конце концов. Но прежде, чем это произойдёт... — он внезапно подхватил меня на руки, заставив вскрикнуть от неожиданности, — ...я думаю, нам стоит закончить этот заплыв. Пока мы не превратились в сосульки или пока эти «дремлющие духи» не решили, что мы слишком шумим.

Я хихикнула, обвив его шею, пока он нёс меня обратно к уступу. Его тело было тёплым и твёрдым на фоне прохладного воздуха.
— Значит, — сказала я, прижимаясь к его мокрой коже, — следующий портал — в более тёплое место?

Он фыркнул, легко взбираясь по мокрым камням и ставя меня на ноги рядом с его брошенными брюками и моим халатом.
— Следующий портал, — поправил он, поднимая свой взгляд к перламутровому пятну, всё ещё висящему в воздухе, — мы закроем. Урок на сегодня окончен. Концентрации хватило, техника улучшилась, инстинкты сработали. А теперь — горячий источник.

Он не стал ждать моего ответа. Одной рукой он подо-

брал свою одежду, другой ловко накинул мой халат мне на плечи.
— На территории замка есть несколько. Один, в частности, питается из подземной магмы и пахнет серой, но зато в нём можно свариться заживо, если быть неосторожным. Или... — он подмигнул, уже возвращаясь к своему привычному, игривому тону, — ...есть другой. Поменьше. Скрытый. С водой, нагретой магическими кристаллами. Без духов, без водопадов и без риска быть съеденным. Для... восстановления сил. После тяжёлого дня.
— Ты ведь наверняка устала от всех этих эмоций, — добавил он с преувеличенным сочувствием, но в его глазах танцевали искорки. — А я... я, кажется, устал бояться самого себя. Так что горячий источник. Прямо сейчас. Без обсуждений.

И он открыл новый портал — не широким жестом, а быстрым, точным движением. На сей раз проём был цвета тёплой меди и парил, как вход в сауну. Оттуда пахло минералами, теплом и чем-то успокаивающим, вроде лаванды или древних трав.
— После тебя, моя опасная и промокшая до нитки жена, — он сделал театральный реверанс, пропуская меня вперёд.

Я шагнула в тепло, чувствуя, как мокрый халат тут же начинает приятно согреваться. Он последовал за мной, и портал закрылся, отрезав шум водопада и оставив нас в тихой, тёплой, уютной пещере, где из расщелины в камне бил в небольшой бассейн молочно-бирюзовый источник. Это был уже не побег и не тренировка. Это было убежище. Наше. И

после всего, что случилось за этот день, оно было нужно как
воздух.

Глава 8. Источник

Я огляделась. Пещера была небольшой, уютной. Стены светились мягким светом, исходящим от вкраплений в камне тех самых «магических кристаллов». Воздух был влажным, тёплым и действительно пах успокаивающими травами. Вода в источнике искрилась и пузырилась, будто живая.

— Я не знала, что есть источники прямо в замке, — призналась я, сбрасывая наконец мокрый халат на гладкий камень у кромки воды. — Какие еще тайные места есть в твоём замке?

Самаэль, уже стягивавший с себя мокрые брюки, усмехнулся, глядя на моё изумлённое лицо. — «Тайное» — не совсем то слово. Скорее... «специализированное». — Он шагнул в воду и с удовлетворённым стоном погрузился по шею, откинув голову на гладкий валун. — Есть зал для аудиенций, который меняет акустику в зависимости от настроения гостя — чтобы льстецы слышали эхо своих же слов, а угрозы терялись в пустоте. Есть библиотека, где книги сами находят тебя, если искренне в чём-то нуждаешься. Есть сад ядовитых снов на западном крыле — туда лучше не соваться без противоядия. А ещё... — он приоткрыл один глаз, наблюдая за моей реакцией, — ...есть комната, где время течёт в обратную сторону. Полезно для того, чтобы переиграть неудачный разговор или... найти потерянную мелочь. Хотя

пользоваться ей дорого. Очень.

Я осторожно спустилась в воду напротив него. Она была идеальной температуры — горячая, но не обжигающая, и приятно щекотала кожу.
 — Комната с обратным временем? — переспросила я, не веря своим ушам. — И ты ей пользуешься, чтобы... найти потерянные носки?

Он рассмеялся, и звук отразился эхом от сводов.
 — Нет, для носков есть слуги. Я использовал её... ну, например, чтобы подслушать, что на самом деле говорил мне один коварный герцог нижних миров до того, как я оторвал ему язык. Информация оказалась ценной. — Он сказал это так же спокойно, как если бы говорил о погоде. — Но это всё — инструменты. Как и этот источник. Он не просто греет. Вода насыщена кристаллической энергией. Она заживляет мелкие раны, успокаивает нервы и... — он посмотрел на меня пристально, — ...стабилизирует магические каналы после сильных выбросов. После Пучины тебе не мешает.

Я почувствовала, как тепло проникает глубже, в самые мышцы, снимая остаточную дрожь и странную пустоту после использования силы. Это было... блаженно.
 — А ты? — спросила я. — Тебе тоже нужно «стабилизироваться»?
 — Мне, — сказал он, закрывая глаза снова, — нужно перестать чувствовать этот скрежет в груди, когда ты смотришь на меня такими глазами. А эта вода, как ни странно, помогает. Видимо, даже демоническая конституция не всесильна против правильно подобранной гидротерапии.

Мы замолчали, наслаждаясь тишиной и теплом. После бури эмоций, страха и откровений это была тихая гавань. И в ней, среди пара и искрящейся воды, я поняла, что его замок был не просто крепостью или тюрьмой. Это была сложная, живая экосистема, отражающая всю сложность и противоречивость его натуры. И теперь, понемногу, он начинал открывать её мне. Не как пленнице, а как... той, кто в нем поселился. Насовсем.

— Эмма иди ко мне

Его слова, тихие, но отчётливые, прозвучали в тишине пещеры, нарушаемой лишь мягким бульканьем воды. Он не открывал глаз, не менял позы, всё так же полулежал, откинув голову назад. Но в этих словах не было приказа. Была просьба. Нет, даже не просьба. Констатация необходимости.

Я замерла на секунду, чувствуя, как тепло источника внезапно становится острее, обжигающее на кончиках пальцев. Потом медленно, будто движимая не собственной волей, а тем же невидимым течением, что и вода в бассейне, я сделала шаг. Вода оказывала приятное сопротивление, обволакивая бёдра, талию, грудь. Я подошла к нему. Он не шевелился. Только когда я оказалась вплотную, его рука — тёплая, тяжёлая, влажная — поднялась из воды и легла мне на поясницу, мягко притягивая ближе. Я оказалась стоящей между его расставленными в воде ногами, моё тело почти касалось его.

Только тогда он открыл глаза. Золотые зрачки в полумраке пещеры светились мягко, без обычного пронзительного

огня. В них была усталость, глубокая, и та самая, знакомая теперь серьёзность.

— Вот так, — прошептал он, его взгляд скользнул по моему лицу, по мокрым от пара волосам, прилипшим к щекам. — Лучше.

Его другая рука поднялась и большим пальцем провела по моей нижней губе.
— Ты всё ещё бледная. И глаза... слишком большие. Слишком много сегодня всего в них было. Страх. Слезы. Решимость. — Он покачал головой. — Нужно стереть. Перезаписать.

— Перезаписать чем? — спросила я тихо, почти не дыша.

— Чем-нибудь... простым, — ответил он, и его губы коснулись моего плеча, прямо у основания шеи. Поцелуй был тёплым, влажным, нежным. — Теплом. Покоем. Ощущением, что ты здесь. Со мной. И что ничего другого сейчас не существует. Ни миров, ни угроз, ни... влюблённых дураков. Только вода, пар, и то, что я чувствую, когда ты так близко.

Его слова были тихим заклинанием, а его прикосновения — ритуалом. Он не торопился, целуя плечо, ключицу, скользя губами по линии челюсти. Его руки на моей спине и пояснице были твёрдыми, но не сковывающими. Они просто держали, утверждали присутствие. Он смывал с меня следы дня, не водой, а этим медленным, осознанным вниманием.

И это работало. Напряжение понемногу таяло, уступая место новой, тяжёлой истоме. Глаза сами собой закрылись. В ушах остался лишь звук нашего дыхания и воды. Никаких

порталов. Никаких решений. Только это — его тепло, его близость, и это странное, чудесное чувство, что в этом конкретном месте, в этот конкретный миг, я была в абсолютной безопасности. Потому что он этого хотел. Потому что он сделал это место и этот миг такими. Для нас.

Стон вырвался из моих губ прежде, чем я успела его сдержать. Тихий, срывающийся, рождённый не страстью в её привычном, яростном виде, а от этой всепоглощающей, нежной *необходимости* его прикосновений.

Он услышал. Его губы, скользившие по моей шее, замерли. Его дыхание стало чуть глубже, горячее на моей коже. Рука на моей пояснице слегка сжалась, прижимая ещё на дюлю сантиметра ближе.

— Вот он, — прошептал он прямо в моё ухо, и его голос был густым, как сам пар. — Настоящий звук. Не смех. Не плач. Не крик вызова. А этот... звук сдачи — Он снова поцеловал кожу под ухом, заставив меня вздрогнуть. — Мне нравится. Мне нравится, когда ты сдаёшься вот так. Не потому что побеждена. Потому что... доверяешь. Доверяешь, что я не воспользуюсь этим, чтобы сломать. А чтобы... собрать заново. По-другому.

Его слова были почти что нежностью, но в них сквозила всё та же, знакомая, хищная уверенность. Он наслаждался не моей слабостью, а своим правом быть тем, перед кем я позволяла себе быть слабой. Это была ещё одна форма обладания, более глубокая и страшная, чем любая другая.

Он продолжил свои медленные, методичные поцелуи, двигаясь ниже, к ключице, а его руки начали нежно, но настойчиво разминать мышцы спины, снимая узлы напряжения, оставшиеся после рывков при открытии порталов, после того, как я вцеплялась в Цербера, после того, как съёживалась от страха на полу гостиной. Каждое прикосновение было точным, знающим. Он словно читал карту моего тела, составленную из сегодняшних потрясений, и стирал с неё все тёмные отметины.

И я позволяла. Позволяла стону вырываться снова, тише, глубже. Позволяла голове упасть ему на плечо. Позволяла векам оставаться сомкнутыми. В этом не было игры. Не было расчёта. Была только животная, глубокая потребность в том, чтобы кто-то сильный взял на себя тяжесть. И он взял. Как владелец, который чинит ценную, но потрепанную вещь, потому что она ему нужна. Целая. И здесь, в этой парадоксальной логике, было моё спасение.

Его руки, до этого сосредоточенные на спине и плечах, изменили траекторию. Они стали скользить *везде*. Не грубо, не с требованием. С лёгкостью, почти невесомо, как будто он намечал новые границы на карте, которую только что стёр. Его пальцы проплыли по бокам, едва касаясь рёбер, обрисовали линию талии, скользнули по бёдрам под водой, оставляя за собой тропы из мурашек и дрожи. Каждое прикосновение было мимолётным, дразнящим, но от этого только более сводящим с ума.

Это была пытка нежностью. Пытка, от которой не хотелось спастись. Мой разум, уже отключённый усталостью и теплом, теперь окончательно поплыл. Мысли смешались в одно сплошное, сенсорное месиво: тепло воды, жар его тела, прохлада пара на лице, и эти бесконечные, призрачные касания, которые, казалось, были *всюду*.

Я не могла выдержать этого. Мне нужно было что-то твёрдое. Что-то реальное. Яростное. Не эту сладкую, растворяющую пытку.

— Самаэль, я... — выдохнула я, и мой голос был хриплым, срывающимся, полным той самой, нарастающей до боли нежности, которая грозила разорвать меня изнутри.

Он услышал. Его губы, до этого нежно исследующие моё плечо, оторвались. Он откинулся чуть назад, чтобы посмотреть на моё лицо. Его золотые глаза были тёмными, почти чёрными в полумраке, но в них горело понимание. Он видел, как я тону. И он знал, что мне нужно.

— Тихо, — прошептал он, и его голос уже не был бархатным. В нём звучала сталь. Команда. — Я знаю.

И его прикосновения изменились. Из невесомых они стали твёрдыми, властными. Одна рука уверенно обвила мою талию, прижав к себе так, что между нами не осталось и намёка на пространство. Другая ушла мне в волосы, откинув голову назад, обнажая горло. Его губы нашли мои, но это уже не было исследованием или утешением. Это был захват. Глубокий, влажный, безжалостный поцелуй, который вышиб

из меня последний стон и заменил его тихим, подавленным криком в его рот.

Он дал мне то, что мне было нужно — якорь. Не в нежности, а в его силе. В его безоговорочном, требовательном обладании. Он сводил меня с ума, но теперь делал это на своих условиях. Чётко, ясно, не оставляя места для сомнений или этой разрывающей нежности. Он брал. А я... я наконец могла просто перестать думать и отдаться этому падению в знакомую, страстную бездну.

Глава 9. Два дурака и стратегическая утечка

Он не стал ничего говорить. Его поцелуй оборвался так же резко, как и начался. Прежде чем я успела понять его намерение, его руки — сильные, уверенные, влажные от воды — сомкнулись на моих бёдрах. Он легко приподнял меня, и вода, до этого обнимавшая нас, с шумом расступилась.

На мгновение я оказалась в воздухе, поддерживаемая только его хваткой, моё тело дугой выгнулось над водой. Потом он опустил меня. Не быстро, не резко, но с той самой, неумолимой точностью, что всегда была в его движениях.

Я села на него.

Его член, твёрдый и требовательный, вошёл в меня глубоко, одним плавным, безостановочным движением, заполняя ту пустоту, что образовалась после всех сегодняшних страхов и откровений. Вода смягчила вход, сделала его почти безболезненным, но от этого ощущение было не менее шокирующим, не менее всепоглощающим.

Я ахнула — резко, тихо, весь воздух вырвался из лёгких. Мои руки вцепились в его плечи, ноги обвили его бёдра под водой. Мы замерли так на секунду, полностью соединённые, и я чувствовала каждое его биение внутри себя, каждый мускул его тела, напряжённый подо мной.

Он смотрел на меня снизу вверх, его золотые глаза были дикими, полными торжествующей, животной победы и той самой, жгучей необходимости, что заставила его прекратить игру в нежность.
— Вот, — прошептал он хрипло, его руки крепче сжали мои бёдра. — Так лучше. Так понятнее. Без этих... призрачных касаний. Всё по-настоящему. Ты чувствуешь?

Я чувствовала. Чувствовала, как моё собственное тело, предательское и отзывчивое, уже начинало приспособляться, обживатьсь вокруг него, отвечая на его жар волной собственного тепла. Я кивнула, не в силах выговорить ни слова.

— Двигайся, — приказал он, но в его голосе не было привычного высокомерия. Была просьба. Нет, требование партнёра, который знает, что и я нуждаюсь в этом не меньше него. — Или я сделаю это за тебя. Но тогда будет быстро. А я... я хочу растянуть это. Надолго. До тех пор, пока в твоих глазах не останется ничего, кроме этого. Ни страха, ни слёз. Только я. Поняла?

Я поняла. И, собрав последние остатки воли, я медленно повела бёдрами. Движение под водой было странным, плавным, будто замедленным, но от этого каждое смещение, каждое трение было только острее. Он застонал — низко, глубоко, и его голова упала мне на грудь, губы прижались к коже над сердцем.

И мы начали. Медленный, тягучий, невероятно интенсив-

ный танец в тёплой, искрящейся воде, под сводами тайной пещеры, где не было ни прошлого, ни будущего. Только настоящее. Только он во мне, и я на нём. И этот простой, животный факт был единственной правдой, в которой мы оба так отчаянно нуждались.

Темп, который я пыталась задать, был хрупким, неуверенным, но его тело подо мной, его руки на моих бёдрах, его собственные, сдержанные движения — всё направляло, поддерживало, вело к неизбежному. И оно наступило не как взрыв, а как обвал. Волна тепла, начавшаяся где-то в самой глубине, где он был, разлилась медленно, заполняя каждую клеточку, вытесняя все мысли, весь воздух из лёгких.

Я потеряла темп. Мой ритм сбился, превратился в серию коротких, беспомощных толчков, а потом и вовсе замер. Я кончила, выгибаясь на нём дугой, с тихим, сдавленным криком, который больше походил на стон освобождения. Внутри всё сжалось вокруг его члена в серии судорожных, сладких спазмов, которые, казалось, выворачивали наизнанку.

Я обвисла на нём, вся тяжесть моего тела легла на его плечи и грудь, голова упала ему на плечо. Дыхание вырывалось прерывисто, хрипло. Я не могла двигаться. Не хотела. Мир сузился до этого тёплого кокона воды, его тела внутри меня и оглушительного эха наслаждения, гуляющего по нервам.

Он не двигался какое-то время, его руки всё так же крепко держали меня. Потом я почувствовала, как его собственное дыхание стало чаще, глубже. Как напряглись мышцы его

бёдер подо мной.

— Вот... — прошептал он прямо в мою мокрую кожу, его голос был срывающимся, полным сдерживаемой ярости и торжества. — Вот так. Теперь ты пуста. Для всего, кроме меня.

И он начал двигаться сам. Уже не направляя меня, а просто беря. Моё расслабленное, чувствительное после оргазма тело было совершенно беззащитно перед его мощными, глубокими толчками. Каждое движение выбивало из меня новый, хриплый звук — от наслаждения, от его интенсивности, от этой полной, безоговорочной капитуляции. Он доводил нас обоих до края с методичной, безжалостной эффективностью, и когда его собственное тело напряглось в финальном, сокрушительном рывке, а низкий, победный рёв вырвался из его груди, я уже ничего не чувствовала, кроме этого всепоглощающего единства и странного, тихого покоя, наступившего после бури.

— Эмма, — повторил он, и его губы коснулись моей мокрой кожи на виске. — С тобой я всегда буду влюблённым дураком. Уж прости.

Он сделал паузу, и я почувствовала, как его руки, всё ещё обнимающие меня, слегка сжимаются, будто он боялся, что эти слова заставят меня отпрянуть.
— Это не выбор. Это... факт. Как закон тяготения. Как то, что ночь следует за днём. Это вбито в мою суть теперь. И сколько бы я ни пытался бороться, ни пытался сломать это... — он вздохнул, и в

этом вздохе была вся его сегодняшняя борьба и окончательное поражение. — Оно всегда будет возвращаться. Потому что его источник — ты.

Он отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть мне в лицо. Его золотые глаза, ещё затемнённые страстью, теперь были невероятно серьёзны.
 — Ты видела это сегодня. Видела, как я испугался этого в себе. Как попытался отгородиться. И к чему это привело. К твоим слезам. К моей... боли здесь. — Он снова ткнул себя в грудь, но на этот раз без злобы, с принятием. — Так что, видимо, я обречён. Обречён быть дураком, который носит свою жену на руках по коридорам, ныряет в ледяные озёра и боится её слёз больше, чем древних пророчеств. Обречён на эту... сложность. На эту опасность, что ты в себе носишь для моего покоя.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки над собой. Была странная, тёплая гордость.
 — И знаешь что? Мне это начинает нравиться. В этом есть... своя прелесть. Свой вкус. И я не хочу его терять. Даже если это значит, что я навсегда останусь тем самым дураком в твоих глазах.

Он притянул меня снова, прижав к себе, и его объятие было уже не страстным, а защитным. Утверждающим.
 — Так что смирись, жена. Ты связана с дураком. И точка. И лучшее, что ты можешь сделать — это просто быть рядом. И иногда, — он снова поцеловал меня в висок, — позволять мне чувствовать себя этим дураком. Без страха, что ты сбе-

жишь. Без страха, что я сам всё сломаю. Просто... быть.

— Самаэль, я люблю тебя. Так что я еще большая дура

Его тело замерло. Полное, абсолютное оцепенение. Казалось, даже вода вокруг нас перестала пузыриться, затаив дыхание. Его руки на моей спине стали каменными. Даже его сердце, что стучало у меня под щекой, пропустило удар.

Тишина растянулась на несколько вечностей, наполненных только шумом крови в моих ушах и ужасом от содеянного. Я сказала это. Вслух. Выпустила наружу то самое слово, которое было моим секретом, моим оружием и моей самой большой уязвимостью. И теперь оно висело между нами, огромное, неудобное, настоящее.

Потом он медленно, очень медленно отстранился. Его руки опустились с моей спины, и он взял меня за плечи, отодвинув на расстояние вытянутой руки, чтобы видеть моё лицо. Его собственное лицо было бледным, глаза — огромными, золотыми дисками, в которых плескалось чистейшее, немое изумление. В них не было гнева, нет. Было потрясение. Как если бы ему показали новое, немыслимое измерение реальности, о котором он даже не подозревал.

Он открыл рот, закрыл. Снова открыл.
 — Что... — его голос сорвался на хрип, и он сглотнул, пытаясь взять себя в руки. — Что ты сказала?

Я смотрела на него, чувствуя, как по щекам текут горячие струйки — не от страха, а от облегчения, что это наконец случалось, и от ужаса перед тем, что будет дальше.
 — Я

сказала, что люблю тебя, — повторила я, и на этот раз голос звучал твёрже, хотя внутри всё дрожало. — Так что я... я ещё большая дура. Большая, чем ты. Потому что я люблю архидемона, который пытается, властвует, пугает сам себя до полусмерти и называет себя влюблённым дураком. Я люблю всё это. Даже то, что ненавижу. И мне от этого не сбежать. Это... тоже вбито.

Он продолжал смотреть на меня, и постепенно изумление в его глазах начало таять, сменяясь чем-то невыразимо сложным. Каким-то болезненным, светящимся изнутри пониманием. Его губы дрогнули.
— Любишь, — прошептал он, как будто проверяя, не рассыплется ли слово в прах. — Меня.

Он покачал головой, и в этом жесте была не отрицание, а полное, тотальное поражение. Поражение перед этим простым, чудовищным фактом.
— Эмма, ты... — он снова запнулся, и его руки на моих плечах сжались, но не больно. Словно он пытался удержать реальность, которая вот-вот должна была разлететься на куски. — Ты только что перевернула всё. Снова. Но на этот раз... — он выдохнул, и в его выдохе был смех, но не весёлый. Сломанный, потрясённый, полный чего-то вроде благоговейного ужаса. — На этот раз ты сломала последнюю стену. Не между нами. Внутри меня. Ту, за которой я прятал даже от себя мысль, что кто-то может... *это*... чувствовать ко мне.

Он притянул меня обратно, нежно, почти с трепетом,

и прижал к своей груди так сильно, будто хотел вобрать
внутри.
— Тогда welcome в клуб дураков, жена, — прошептал он мне в волосы, и его голос дрожал. — Самых больших дураков во всех мирах. Потому что я... — он сделал паузу, собираясь с силами, чтобы произнести ответное слово, которое, кажется, было для него тяжелее любого заклинания. — Я тоже. Только, чёрт возьми, не называй это так. Назови это... одержимостью. Безумием. Проклятием. Но да... это то, что есть. И оно моё. Как и ты.

И в этом признании, пусть и закамуфлированном под другие слова, была вся его суть. Он не мог сказать «люблю» прямо. Но он сказал «моё» с такой интонацией, что это значило гораздо, *гораздо* больше. Это был его демонический эквивалент клятвы. И для меня, в тот момент, этого было более чем достаточно. Мы сидели, обнявшись в тёплой воде, два признавшихся друг другу в своём безумии дурака, и мир вокруг казался наконец-то на своём месте.

Я прижалась к нему, уткнувшись лицом в его шею, в то место, где пульсировала жила. Я чувствовала, как его собственное сердце колотится где-то глубоко, отвечая на моё признание своим хаотичным, потрясённым ритмом. Его вопрос прозвучал тихо, прямо у моего уха, но он прожёг воздух, как раскалённое железо.

— Давно?

Одно слово. Но в нём была целая вселенная его мыслей. Он спрашивал не просто о времени. Он спрашивал, сколько

времени он был слеп. Сколько времени это «вбито» жило во мне, пока он строил свои теории о привязанности, одержимости и собственности.

Я кивнула, чувствуя, как его кожа горяча под моими губами.
— Да, — выдохнула я ему в шею. Давно. С того утра, когда я проснулась на нём? Раньше? С той ночи, когда он впервые не просто взял, а *увидел* меня? Точной даты не было. Это было как болезнь, которая подкрадывалась, пока не стала частью самой крови.

Он замер. Его дыхание спёрлось.
— И ты не говорила? — его голос был сдавленным, полным какого-то странного, почти что детского упрёка, смешанного с изумлением.
— Нет, — ответила я просто. — Не говорила.

Потому что боялась. Боялась, что это станет оружием против меня. Боялась, что он не поймёт, не сможет ответить тем же. Боялась, что это «люблю» сломает тот хрупкий баланс силы и игры, что установился между нами. Боялась, что он, услышав это, либо с презрением отвергнет, либо, что хуже, начнёт использовать как ещё один рычаг давления. Я хранила эту тайну как своё последнее убежище, как единственную вещь, которая принадлежала только мне в этом мире, где всё было его.

Он молчал долго. Так долго, что я начала бояться, что всё-таки сломала что-то непоправимое. Потом его рука поднялась и медленно, почти нежно, провела по моим волосам, от макушки до кончиков, спутанных водой и паром.

— Дурочка, — прошептал он, и в этом слове не было ничего, кроме сокрушительной, невыразимой нежности. — Самая большая дурочка на свете. Держать такую тайну. От меня. — Он вздохнул, и его грудь вздыбилась подо мной. — И думать, что я не почувствовал. Не видел. В каждом твоём взгляде. В каждой дрожи. В каждой этой чёртовой готовности принять даже мою кровь. — Его голос сорвался. — Я видел. Просто... не смел назвать это тем словом. Потому что для меня оно было другим. Страшным. Слабым. А то, что я чувствовал к тебе... это не было слабым. Это было сильнее меня. И это пугало ещё больше.

Он откинулся, чтобы снова посмотреть мне в лицо.
 — Но теперь ты сказала. И стены рухнули. И знаешь что? — Он улыбнулся — странной, светлой, почти что счастливой улыбкой, которую я видела у него лишь пару раз. — Мне не страшно. Теперь, когда это высказано... мне спокойно. Потому что теперь это не твой секрет. Это наша общая... истина. И мы будем нести её вместе. Как и всё остальное.

— А... — он запнулась, мысленно отматывая плёнку памяти назад, к той комнате, к холодному кристаллу в руках, к тому, как он требовал сконцентрировать эмоцию. — В кристалле... что была за эмоция?

Вопрос был рискованным. Потому что я помнила всё слишком хорошо. Как ярко-красный свет вырвался из камня, такой интенсивный, что, казалось, он может ослепить. И как я, в панике от того, что он *увидит*, что *расшифрует* эту

немую, всепоглощающую правду, вырвала кристалл из его рук и швырнула его в дальний угол, чтобы он разбился, унёс тайну с собой в осколки.

Он тоже помнил. Помнил мою панику, свой интерес и лёгкое раздражение от того, что я испортила эксперимент.
— Любовь, — ответила я просто
— Яркая, чистая, неистовая. Такая, что кристалл едва не взорвался. Ты скрыла это. Выбросила доказательство.

Он не упрекнул. Просто сказал, как было.
— Почему? — спросил он тихо, его взгляд стал изучающим, но мягким. — Боялась, что я использую это против тебя? Или... что я не пойму? Не поверю?

Я опустила глаза, чувствуя, как снова подступает жар к щекам.
— И то, и другое, — честно призналась я. — Это было... слишком большое. Слишком настоящее. А ты... ты был другим тогда. Более... отстранённым. Я боялась, что ты посмеёшься. Или, что хуже, решишь, что я слишком привязалась, и оттолкнёшь, чтобы «не усложнять». А я... я уже не могла позволить себе потерять даже то, что было. Даже эту игру.

Он покачал голову, и на его губах появилась редкая, уязвимая улыбка.
— А я, дурак, думал, что ты просто стеснялась какой-то мимолётной страсти или глупой надежды. — Он вздохнул. — Если бы я знал... если бы я *понял*, что за красным светом скрывается... это... — он махнул рукой, обозначая всё наше нынешнее состояние, — ...может, мно-

гих глупостей можно было бы избежать. Но нет. Ты была умнее. Спрятала. Сохранила это для того момента, когда я буду готов это услышать. Или когда у тебя самой не останется сил молчать.

Он снова притянул меня к себе, и его объятие было таким, будто он пытался компенсировать всё то время, когда эта любовь жила втайне.
— Ну что ж, — прошептал он мне в волосы. — Теперь она на свободе. И она наша. Как и всё остальное. И я обещаю, Эмма... я больше не заставлю тебя прятать что-либо от меня. Даже самое страшное. Даже самое светлое. Потому что теперь я знаю — что бы это ни было, это часть тебя. А ты... ты моя. Вся. Со всеми секретами, страхами и этой чудовищной, прекрасной любовью, которая светится ярче любого проклятого кристалла.

— Когда разберемся с разломом нам нужна свадьба.

Его слова, произнесённые тихо, но с непоколебимой уверенностью, застали меня врасплох. После любви, после страха, после всех этих откровений — свадьба? Мы же уже были мужем и женой. По договору. По принуждению. По... всему.

— Свадьба? — переспросила я, отстраняясь, чтобы увидеть его лицо. В его золотых глазах не было и тени шутки. Была твёрдая, почти что деловая решимость.

Он приподнял бровь, как бы спрашивая: «Ну и что тут непонятного?»
— Ты думала, я оставляю свою жену без свадьбы? — Он произнёс это так, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся, вроде завтрака или смены времён

года. — Наш первый... союз был сделкой. Политикой. Пророчеством. — Он скривился, как будто пробуя что-то горькое. — В нём не было *тебя*. Не было *меня*. Не было... этого. — Он обвёл рукой пространство между нами, вмещавшее в себя все сегодняшние слёзы, признания и эту новую, оглушительную тишину после слов «люблю».

Он взял мою руку, его пальцы переплелись с моими.
— Когда мы разберёмся с этим разломом, с Абаддоновым наследием, со всеми, кто посмеет посмотреть на нас косо... — его голос приобрёл знакомый, опасный оттенок, но тут же смягчился, — ...нам нужна свадьба. Настоящая. Та, где ты выйдешь ко мне не как ключ или пленница, а как та, кто выбрала меня сама. Как я выбрал тебя. Где клятвы будут не на пергаменте, а здесь, — он приложил нашу сцепленные ладони к своей груди, к тому месту, где билось сердце. — Где гости будут пировать не из страха, а потому что... ну, потому что Лилия умрёт от тоски, если не устроит нам пышное торжество. А Молах просто любит хорошее вино.

Он говорил это с лёгкой усмешкой, но в его глазах горела совершенно серьёзная, тёплая решимость.
— Я хочу, чтобы весь мир — мой мир, твой, все миры — увидели и *поняли*. Что ты не временная прихоть. Не стратегический актив. Ты — моя жена. По праву, которое сильнее любого договора. По выбору, который мы оба сделали. Даже если этот выбор был... сложным. — Он нахмурился. — И чтобы у всех отсохли языки, прежде чем они назовут наш союз иначе.

Он замолчал, давая своим словам осесть. Предложение звучало не как романтическая фантазия, а как следующий логический, *необходимый* шаг в том странном, чудовищном и прекрасном пути, по которому мы теперь шли вместе. Это был акт утверждения. Закрепления новой реальности.

— Так что да, — заключил он, и его губы тронула та самая, хитрая, обещающая улыбка. — Свадьба. С платьем, которое затмит то золотое. С гостями, которых мы вытерпим ради вина и сплетен. И с ночью, после которой ни у кого не останется сомнений, кому ты принадлежишь. И кому принадлежу я.

Я хихикнула, не в силах сдержать этот внезапный, лёгкий смешок. Он прорвался сквозь всю тяжесть, все слёзы и признания.

Самаэль смотрел на меня, и на его лице, обычно таком собранном или насмешливом, появилось странное, почти растерянное выражение. Он покачал головой, проводя рукой по своим всё ещё влажным, белым как снег волосам.

— Мда, — произнёс он тихо, больше сам для себя, чем для меня. В его голосе звучало изумлённое раздумье. — И кем я стал за эти два месяца...

Услышав это — это самоуничижительное признание из *его* уст, — я рассмеялась ещё громче. Звонкий, беззастенчивый смех заполнил тёплую пещеру, отразился эхом от сводов и смешался с тихим бульканьем источника.

Он смотрел на меня, и сначала его брови нахмурились

в лёгком раздражении от такого неуважительного ответа на его торжественное предложение. Но потом... потом он *увидел*. Увидел не насмешку, а чистое, неудержимое веселье, рождённое от абсурдности всей ситуации. И его собственные губы дрогнули.

— Ты смеёшься надо мной, жена? — спросил он, но в его тоне уже не было угрозы. Была та самая, редкая, игривая нота.

— Над нами! — выдохнула я, всё ещё давясь смехом. — Над всей этой... нелепостью! Архидемон, Повелитель Отчаяния, только что признавшийся в том, что он «влюблённый дурак», а теперь планирующий *свадьбу* с Ходячей, которую он же и похитил! Это же... это же материал для какого-то дурацкого ромansa, которые Лилия обожает!

Я видела, как его собственное изумление перед самим собой начало растворяться, сменяясь моим заразительным смехом. Он фыркнул, а потом и сам тихо, сдавленно рассмеялся. Это был не его обычный, бархатный или язвительный смех. Это был простой, человеческий смех признания абсурда.

— Когда ты так говоришь, это звучит действительно идиотски, — согласился он, его плечи слегка тряслись. — Повелитель Отчаяния... и свадьба. Да, Лилия будет в восторге. Она бы, наверное, уже придумала десять разных планов рассадки гостей и двадцать вариантов моего костюма.

— А Молах будет стоять с самым кислым лицом на свете

и говорить что-то о «ненужной помпезности», — добавила я, всё ещё хихикая.
 — Но выпьет больше всех, — парировал Самаэль, и его золотые глаза сияли теперь уже чистым, беззаботным весельем. — Чёрт, Эмма. Ты не только перевернула мою жизнь с ног на голову. Ты ещё и сделала её... смешной. В хорошем смысле.

Он снова притянул меня к себе, уже не страстно, а просто тепло, по-дружески, и его смех вибрировал у меня в волосах.
 — Ну что ж, раз уж мы оба сошли с ума и превратились в героев дешёвого романа... — он вздохнул с преувеличенной скорбью, — ...так уж и быть. Будет свадьба. С дурацкими цветами, нелепыми тостами и всем, что полагается. Но имей в виду, — он отстранился и посмотрел на меня с притворной суровостью, — после того, как все разойдутся, я напомню тебе, кто в этом «романе» главный злодей. И напомню очень... доходчиво.

Я улыбнулась, чувствуя, как эта новая, лёгкая, счастливая реальность наконец-то укладывается внутри, как пазл.
 — Жду не дождусь, — прошептала я. — Мой влюблённый дурак-злодей.

И мы снова засмеялись вместе, в тёплой воде, в нашем тайном убежище, двое дураков, нашедших друг друга посреди хаоса и решивших сыграть в эту игру до конца. Со свадьбой и всем, что за ней последует.

 — Ты, главное, детей сразу не заделай! - сказал я хихикая

Смех Самаэля оборвался, но не на ледяной ноте. Он за-

мер, его золотые глаза, только что сиявшие весельем, сузились, в них промелькнул быстрый, острый, *заинтересованный* расчет. Он отстранился ровно настолько, чтобы видеть моё лицо, его пальцы всё ещё лежали на моих плечах, но теперь их хватка стала более осознанной, изучающей.

— Дети, — произнёс он, и в его голосе не было ни шока, ни ужаса. Была та самая, знакомая, хищная задумчивость, с которой он обсуждал стратегию или новый магический феномен. Он повторил слово, как будто пробуя его на вкус в новом контексте. *Нашем* контексте.

Потом он посмотрел на меня, и в его взгляде вспыхнул не холод, а огонь — не ярости, а какой-то новой, стремительной решимости, смешанной с вызовом. — А зачем тянуть? — спросил он прямо, его губы тронула та самая, опасная, почти что дерзкая ухмылка.

Это был не риторический вопрос. Это был самый что ни на есть настоящий. Он смотрел на меня, ожидая ответа, и в его позе читалась готовность немедленно превратить шутку в план действий, если мой ответ его устроит.

Вся моя легкомысленность испарилась, уступив место потрясению от его реакции. Я ожидала гнева, отстраненности, напоминания о долге. Но не этого — этого прямого, почти что азартного вызова. — Я... — я запнулась, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Я же пошутила, Самаэль. Это было просто... глупое продолжение шутки про свадьбу.

— Шутка? — он приподнял бровь, его пальцы слегка сжа-

ли мои плечи. — Может быть. Но идея... — он сделал паузу, и его взгляд скользнул вниз, по моей фигуре, с новой, оценивающей интенсивностью, — ...имеет право на существование. Ты сказала «сразу». Я спрашиваю: а почему бы и нет? Раз уж мы всё равно собираемся скреплять этот союз всеми возможными способами... почему бы не начать с самого основного?

Он говорил это так спокойно, так логично, что у меня перехватило дыхание. В его тоне не было ни страсти, ни романтики. Была демоническая прагматичность, смешанная с тем самым, новым, признанным им самим «дурачеством». Если он уже принял свою роль «влюблённого дурака», то почему бы этому дураку не завести семью? Сразу. Без проводов.

— Ты же сам говорил о подготовке, о... стабилизации, — попыталась я возразить, чувствуя, как почва уходит из-под ног.
— Я много чего говорил, пока боялся самого себя, — парировал он, не моргнув глазом. — Сейчас я не боюсь. Или, по крайней мере, боюсь других вещей. А что до подготовки... — он покачал головой, — ...ты только что открыла портал в небытие и выстояла под взглядом Абаддона. Думаю, с «подготовкой» к материнству ты справишься. Если захочешь.

Он снова посмотрел мне прямо в глаза, и теперь в его взгляде, помимо вызова, читалось что-то более серьёзное. Вопрос. Не приказ. Не требование по договору. А вопрос ко мне.
— Так что, Эмма? — прошептал он, его губы бы-

ли в сантиметре от моих. — Это была просто шутка? Или в каждой шутке есть доля... предложения?

Воздух в пещере снова стал густым, но теперь не от страха, а от этого нового, головокружительного поворота. Он взял мою глупую реплику, развернул её и поставил передо мной как самый настоящий, самый жизненный выбор. И я понимала, что мой ответ сейчас определит не просто настроение вечера, а, возможно, всю нашу дальнейшую, общую жизнь.

Я попыталась вырваться. Не от страха, а от этого внезапного, сокрушительного давления его логики и его вопрошающего взгляда. Мне нужна была дистанция. Хотя бы полметра, чтобы вдохнуть, чтобы подумать, чтобы этот мир перестал вращаться с такой безумной скоростью.

Но мои попытки лишь заставили его рассмеяться — коротко, низко, с торжествующим оттенком. Его руки, и без того крепкие, сомкнулись вокруг меня ещё сильнее, прижимая меня к его груди так, что я почувствовала биение его сердца, движение рёбер при дыхании.

— О-о, нет, ты не уйдёшь, — прошептал он мне прямо в ухо, его голос был густым от смеха и чего-то более тёмного, более властного. — Ты начала эту игру. Ты бросила кость. Теперь будь добра — дождись, пока она остановится. Или... — он позволил своим губам коснуться мочки моего уха, — ...признай, что это была действительно *просто* шутка, и мы забудем этот разговор. Навсегда.

Он поставил меня перед выбором, но в его условиях не было равноправия. Он не отпускал. Он держал, физически утверждая своё право на ответ. В его объятиях не было нежности теперь. Была стальная решимость получить то, что он хочет — либо моё искреннее «да» на его безумное предложение, либо полное, безоговорочное отречение от самой идеи. Среднего не дано. Не в его природе.

Я замерла, чувствуя, как его тепло проникает сквозь мокрую ткань, как его дыхание обжигает кожу на шее. Бежать было некуда. Даже если бы я открыла портал прямо здесь, он бы последовал. Он всегда следовал.

— Ты нечестно играешь, — выдохнула я, и мой голос прозвучал слабее, чем хотелось.
— Я не играю, — парировал он, и его губы скользнули по моей шее к ключице. — Я спрашиваю. А ты уклоняешься. Что страшнее, Эмма? Идея? Или возможность, что я всерьёз её рассмотрю?

Он был прав. Страшнее было второе. Потому что если это было не шуткой... это меняло всё. Сразу. Безнадёжно. Превращало нашу сложную, болезненную, прекрасную связь в нечто ещё более необратимое. И ставило на кон не только моё тело, но и... душу того, кто мог родиться от такого союза.

Но и сказать «просто шутка» сейчас, глядя в его ожидающие, пылающие золотом глаза, чувствуя его готовность либо взлететь до небес, либо рухнуть в ледяную бездну в зависимости от моего ответа... это тоже было невозможно. Потому

что это была бы ложь. Не вся правда была в шутке, но доля... доля предложения в ней таилась. Глубоко, подсознательно.

Я закрыла глаза, уткнувшись лицом в его плечо.
 — Дай... дай подумать, — пробормотала я, и это была не уловка, а мольба.
 Он замер на мгновение, потом его хватка ослабла, превратившись из стальных тисков в крепкие, но уже более привычные объятия.
 — Ладно, — согласился он тихо, и в его голосе прозвучала странная, почти что усталая уступчивость. — Думай. У тебя есть время. До конца разлома. До свадьбы. — Он снова поцеловал меня в шею, на этот раз почти нежно. — Но имей в виду, жена... я свой вопрос снял с повестки, но не выбросил. Он ждёт. И я тоже.

— Самаэль, боги, — выдохнула я, прижимаясь лбом к его мокрому плечу, чувствуя, как голова кружится от этого вихря. — Просто... сейчас рано. Слишком.

Он замер, его дыхание стало ровнее. Потом раздался его тихий, бархатный смешок прямо у моего уха.
 — Рано? — переспросил он, и в его голосе зазвучала знакомая, игриво-снисходительная нота. — Ну, это как посмотреть.

Его руки на моей спине начали медленно, лениво водить круги.
 — Если вспомнить, сколько *мне* лет, — продолжил он, и я почувствовала, как его губы растягиваются в улыбку у меня на коже, — то вот *вообще* не рано. Я мог бы быть пра-пра-пра-(и ещё с десятков «пра»)-дедушкой тому, кто сейчас правит каким-нибудь заштатным миром гоблинов. С моей точки зрения, мы и так уже откладываем лет

эдак... ну, на пару тысячелетий.

Он говорил это с лёгкостью, но за ней стояла холодная, демоническая реальность. Он был древним. Для него время текло иначе. Годы, десятилетия — пыль. А «дети», наследник — это было вложение в вечность, в продолжение линии, которое для таких, как он, было вопросом не эмоций, а выживания и власти.

— Но если смотреть с *твоей* колокольни... — он сделал паузу, и его тон стал более серьёзным, хотя и не лишённым иронии, — ...да, наверное, рано. Ты ещё не оправилась от одного шока, как я подсовываю тебе другой. Не освоилась в своей силе, как я уже толкую о том, чтобы её... приумножить. — Он снова тихо рассмеялся. — Согласен. С чисто *твоей* логической точки зрения — полнейший абсурд. Безрассудство.

Он отстранился, чтобы посмотреть на меня. Его золотые глаза были теперь спокойными, аналитическими. — Но, видишь ли, в чём загвоздка, — сказал он, проводя пальцем по моей щеке. — Наша ситуация *уже* вышла за рамки обычной логики и демонического терпения. Мы играем по новым правилам. *Нашим* правилам. И в этих правилах... нет понятия «рано» или «поздно». Есть «когда мы оба будем готовы». Или «когда обстоятельства заставят».

Он вздохнул. — Я не буду торопить. Обещаю. Но и не буду делать вид, что этой темы не существует. Она есть. Она часть нашего договора, часть моего долга и... — он запнулся.

ся, подбирая слова, — ... часть того будущего, которое я, этот старый дурак, начал понемногу себе представлять. С тобой. Так что давай договоримся: ты думаешь. Привыкаешь. А я... я буду ждать. Но не как стоический аскет, а как заинтересованная сторона. С правом время от времени... напоминать о своём интересе. Ненавязчиво. Или вполне навязчиво..С попытками все устроить.

Он сказал это с такой твёрдой, деловой интонацией, будто мы обсуждали график поставок, а не возможность завести детей. Он отложил, но не отказался. Он дал отсрочку, но не простил долг. И я понимала, что этот разговор, начатый с глупой шутки, теперь будет висеть между нами тихой, неотвязной тенью, напоминая, что наша идиллия, какой бы хрупкой и новой она ни была, построена на фундаменте очень старых и очень серьёзных обязательств.

—А пока.. Пусть этот вопрос полежит на полочке. Успеем. Рано или чуть позже. Вся жизнь впереди. — Он подмигнул. — Ну и у нас есть свидание с Кристальными Пустошами, свадьба, которую нужно пережить, и, чёрт побери, целая вечность, чтобы я мог придумывать, как тебя удивлять, раздражать и... любить. По-своему.

— Ты сказал «любить»? — выпалила я, не в силах сдержать улыбку. Слово прозвучало так естественно, так непринуждённо в его устах, после всех его окольных путей и замен на «одержимость» или «приятно».

Самаэль напрягся. Всё его тело, только что расслабленное

и почти беззаботное, снова стало жёстким, как камень. Его золотые глаза метнулись в сторону, губы сжались в тонкую линию. Он выглядел так, словно его поймали с поличным на самом страшном преступлении.

А я не сдержалась и хихикнула. Звук вырвался звонко и беззастенчиво, нарушив внезапно наступившую напряжённую тишину. Он сказал это! Сорвалось! Нечаянно, но он *сказал!*

Он бросил на меня взгляд, полный немого, почти что детского возмущения, смешанного с паникой. — Я... это было фигурально, — пробормотал он, отводя глаза, но кончики его ушей, которые я видела сквозь мокрые пряди белых волос, заметно покраснели. — Общепринятый речевой оборот. Не нужно придавать этому буквального смысла.

— Конечно, конечно, — согласилась я, всё ещё хихикая, и подняла руку, чтобы потрогать его горячее ухо. Он дёрнулся, но не отстранился. — Просто «общепринятый речевой оборот». Как «влюблённый дурак». Или «моя Эмма». Или «эта сложность». Очень фигурально. Очень... общепринято.

Он фыркнул, но напряжение начало понемногу спадать, сменяясь знакомой, раздражённой нежностью. — Заткнись, — пробормотал он беззлобно, притягивая меня обратно к себе и зарываясь лицом в мои волосы, словно пытаюсь спрятать смущение. — Ты невыносима, когда торжествуешь.

— Зато ты обаятелен, когда смущаешься, — парировала

я, обвивая его шею руками и чувствуя, как его плечи слегка трясутся от беззвучного смеха.

— Я не смущаюсь, — огрызнулся он, но его голос был приглушён моими волосами. — Архидемоны не смущаются. Мы... испытываем тактический дискомфорт от утечки стратегической информации.

— Ага, конечно, — прошептала я, целуя его в шею. — Тактический дискомфорт. Поняла. Буду иметь в виду.

Мы сидели так ещё некоторое время, пока его «тактический дискомфорт» не прошёл, сменившись обычным, тёплым, довольным молчанием. Он так и не повторил *то* слово. И, возможно, никогда не повторит его прямо. Но он сказал его. Один раз. Сорвалось. И для нас обоих этого было достаточно, чтобы знать: каким бы словом он это ни называл, суть от этого не менялась. А у нас была целая вечность, чтобы привыкнуть к этой новой, чудесной и пугающей реальности, где он мог быть и повелителем, и дураком, и тем, кто любит. Фигурально, конечно.

Я рассмеялась снова, уже от всей души, чувствуя, как этот смех разливается тёплым, живительным потоком, смывая последние остатки напряжения. Его «стратегическая утечка» была слишком совершенна, слишком человечна в своей неуклюжести.

— Боги, Самаэль, — выдохнула я, вытирая слезу, появившуюся от смеха. — «Стратегическая утечка»? Это теперь твой официальный термин?

Он оторвался от моих волос и посмотрел на меня. Его лицо всё ещё хранило следы смущения, но теперь к ним добавилась привычная, хитрая усмешка. Он подхватил мою игру.
 — А как ещё назвать непреднамеренное раскрытие критически важных данных потенциальному противнику в момент эмоциональной дестабилизации? — провозгласил он с фальшивой серьёзностью, поднимая палец вверх, как лектор. — Это классическая ошибка на поле информационной войны. Ты, кстати, должна быть польщена — уровень утечки свидетельствует о высочайшей степени... э... «взлома» моих оборонительных протоколов.

— О, я польщена, — кивнула я с преувеличенным благоговением. — Просто невероятно польщена. Значит, я — хакер, взломавший оборону Повелителя Отчаяния. Должна ли я теперь ожидать ответной кибератаки? Или, может, предложения о сотрудничестве?

Он прищурился, его золотые глаза сверкнули.
 — Ответная атака уже была, — напомнил он тихо, и его взгляд скользнул вниз, к воде, намекая на совсем недавние события. — И оказалась... взаимовыгодной. Что касается сотрудничества... — он наклонился ближе, и его губы почти коснулись моих, — ...оно уже идёт полным ходом. На условиях полной... капитуляции одной из сторон. Моей. В обмен на эксклюзивный доступ к источнику помех.

Он поцеловал меня — коротко, властно, запечатывая эту странную, смешную и невероятно важную договорённость.

Когда он оторвался, на его лице играла уже совершенно искренняя, счастливая улыбка.
 — Так что да, жена. Ты выиграла этот раунд. Признаю поражение. Но имей в виду — война ещё не окончена. У нас целая вечность впереди. А я — плохой проигравший. Я всегда нахожу способ взять реванш.

— Жду с нетерпением, — прошептала я, чувствуя, как сердце наполняется чем-то лёгким и светлым. — Мой вечный противник-союзник-дурак.

— Ну что ж, — вздохнул Самаэль, его голос приобрёл оттенок деловой собранности, хотя руки всё ещё не отпускали меня. — А теперь можно и спать идти. Завтра — Пустоши, разломы, демонстрация силы и прочая... рутина.

Он произнёс это со знакомой, ленивой усмешкой, но в его глазах читалась уже не игра, а сосредоточенность полководца, оценивающего предстоящее сражение. Он отпустил меня, легко выпрыгнул из воды на каменный пол пещеры и протянул руку, чтобы помочь мне.

— На сегодня эмоций, открытий и «стратегических утечек» более чем достаточно, — заключил он, накидывая мне на плечи мой уже согретый халат, а сам подбирал свою одежду. — Телу и разуму нужен отдых. Особенно перед тем, как ты снова начнёшь рвать ткань реальности на границах владений.

Он открыл портал обратно в наши покои — быстрый, аккуратный, без лишних эффектов. Тёплый, перламутровый свет сменился знакомым полумраком спальни.
 —

Марш, — сказал он, легонько подталкивая меня вперёд. — И не вздумай снова думать о кристаллах, детях или о том, какой я «обаятельный», когда смущаюсь. Только сон.

Я шагнула в комнату, чувствуя приятную тяжесть в мышцах и лёгкое головокружение от всего пережитого. Он последовал за мной, портал закрылся.
— А ты? — спросила я, видя, как он, вместо того чтобы идти к кровати, направляется к своему письменному столу, где уже лежали новые свитки и карты.
— Мне ещё кое-что нужно проверить по разведанным Бельфегора, — ответил он, уже не глядя на меня, его внимание было приковано к документам. — Стратегия «демонстрации неприкосновенности» требует безупречной подготовки. Спокойной ночи, Эмма.

Он сказал это отстранённо, но в конце фразы обернулся и бросил на меня быстрый взгляд — тёплый, обещающий, полный того самого, нового понимания, что установилось между нами. Это был не «прощай». Это было «до завтра». До новых битв, новых разговоров, новых глупых шуток и, возможно, новых «стратегических утечек».

Я кивнула, не стала спорить. Зная его, он просидит там пол-ночи, выверяя каждый шаг. А мне и правда нужно было спать. Завтра меня ждал не просто выход в свет. Ждало испытание. Но сейчас, ложась в постель и прислушиваясь к тихому шороху пергамента и скрипу его пера, я чувствовала не страх, а странную уверенность. Потому что каким бы опасным ни было завтра, я шла на него не одна. А с ним — мо-

им вечным противником-союзником-дураком, который где-то там, за столом, планировал, как лучше всего защитить то, что он, наконец, признал своим не только по праву силы, но и по праву этого самого, «фигурального» чувства.

Я легла в постель, уткнувшись лицом в его подушку, которая всё ещё хранила слабый отголосок его запаха — кожи, дыма, тёмной магии и чего-то неуловимого, что было просто *им*. Тело, уставшее до дрожи от магии, эмоций и страсти, мгновенно потонуло в мягкости матраса, но разум ещё бодрствовал, проигрывая яркие вспышки дня.

Но в этот раз внутри не было привычной, грызущей тревоги. Не было вопроса «что дальше?» или страха перед его внезапной переменой настроения. Была тишина. Глубокая, спокойная, почти что звучащая тишина после бури.

Я *знала*. Знала, что он придёт. Не как тюремщик или требовательный хозяин, а как... как тот, кому теперь тоже нужно было это место, эта тишина рядом. Знала, что у него в душе и сердце (или в том, что выполняло их функции) теперь жила не просто одержимость или расчётливый интерес. Там жило признание. Пусть названное другими словами, пусть пугающее его самого, но — признание. В его «влюблённом дураке», в его «стратегической утечке», в этой готовности ждать *вечность*.

И это знание давало покой, какого я не испытывала никогда. Ни в своей прошлой, человеческой жизни, полной обыденных забот. Ни в первые ужасные дни здесь. Это был по-

кой не от отсутствия опасности — её было предостаточно, начиная с завтрашних Пустошей. Это был покой *принятия*. Принятия этой безумной реальности, этой чудовищной связи, этого сложного, опасного, прекрасного существа, которое было моим мужем.

Я слышала, как в за столом скрипело перо, как перелистывались страницы. Звуки были не раздражающими, а... успокаивающими. Они означали, что он здесь. Что он рядом. Что он планирует *наше* завтра.

Глаза сами собой закрылись. Дыхание выровнялось. В последний миг перед тем, как сознание погрузилось в тёплые воды сна, я почувствовала, как в спальню вошла знакомая, тяжёлая, уверенная поступь. Он подошёл к кровати, на мгновение замер. Потом одеяло слегка приподнялось с его стороны, матрас прогнулся под его весом. Его рука, тёплая и твёрдая, легла мне на талию, притягивая к себе спиной к его груди. Его дыхание, уже ровное и глубокое, коснулось моей шеи.

Ни слова. Ни вопроса. Просто это — его присутствие, его прикосновение, его молчаливое утверждение: «Я здесь. Мы вместе. Спокойной ночи».

И в этом не было ничего, кроме абсолютного, безоговорочного покоя. Впервые за долгое время — нет, впервые *вообще* — я засыпала с полной уверенностью, что проснусь в безопасности. В его. В нашей. Какая бы буря ни бушевала снаружи.

Глава 10. Новый день

Я проснулась первой. Свет, пробивавшийся сквозь плотные шторы, был ещё тусклым, искусственным «утренним». Самаэль спал. По-настоящему спал, а не лежал с закрытыми глазами, как это часто бывало. Его лицо, лишённое привычной маски бдительности или насмешки, казалось моложе, почти беззащитным. Темные круги под глазами говорили о том, что за картами он просидел далеко за полноту. Я аккуратно, стараясь не потревожить, выбралась из-под его тяжелой руки и выскользнула из постели.

В душе вода была почти обжигающе горячей, но я позволила ей литься на меня, смывая остатки сна и вчерашнего... всего. Закрыв глаза, я вспоминала. Вспоминала его слова, его смех, его «стратегическую утечку». Неужели всё действительно сложилось, как в том древнем пророчестве? Не просто союз по необходимости, не просто игра силы и выживания. А это... это *большее*. Сложное, болезненное, смешное, пугающее, но настоящее. Ходячая и Архидемон. Ключ и Замок. Два дурака, нашедших друг друга в водовороте судьбы.

Мысли текли плавно, как вода по коже, перемешиваясь с паром. И в этот момент дверь душевой кабины с тихим щелчком открылась.

Я вздрогнула и открыла глаза. В проёме, завешанном па-

ром, стоял он. Совсем не сонный. Бодрый, собранный, с уже знакомым, хищным блеском в золотых глазах. На нём не было ничего..

Он прислонился, скрестив руки на груди, и его губы растянулись в медленной, довольной ухмылке.
 — Ну, доброе утро, жена, — произнёс он, и его голос, слегка хриловатый от сна, звучал как бархатная угроза и обещание одновременно. — Просыпаюсь — тебя нет. Уже начала планировать свой побег? Или просто решила встретить день в одиночестве, обдумывая вчерашние... события?

Он сделал шаг вперёд, и пар за клубился вокруг него. Он не вошёл в кабину, но его присутствие заполнило всё пространство.
 — Я надеялся проснуться рядом, — добавил он уже тише, с лёгкой, наигранной обидой, но в его глазах плясали искорки. — А ты тут медитируешь под водой. Не порядок.

— Хочешь присоединиться? — хитро прищурившись, спросила я, глядя на него сквозь струи воды и пар.

Его ухмылка стала шире, почти волчьей. Он не ответил словами. Просто скинул штаны одним быстрым движением и шагнул в кабину. Пространство, и без того небольшое, стало тесным до предела. Горячий воздух, пар и его тело — всё смешалось в один плотный, душный кокон.

— Думаешь, это предложение? — прошептал он, прижимая меня спиной к прохладной кафельной стене. Вода лилась на нас обоих, стекала по его груди, по моим плечам,

смешиваясь. — Это не предложение, жена. Это — приглашение, от которого невозможно отказаться.

Его руки упёрлись в стену по бокам от моей головы, отгородив меня от всего мира. Его глаза, золотые сверлили меня насквозь.
— Я проспал твоё пробуждение. Это ошибка. Значит, нужно начать день заново. С правильного момента.

Он наклонился, и его губы коснулись моего плеча, прямо под струёй воды. Поцелуй был горячим, влажным, полным осознанного намерения.
— С момента, когда я открываю глаза и чувствую, что ты рядом, — продолжил он, его слова сливались с шумом воды. — А раз ты решила сменить локацию... значит, и момент придётся перенести. Сюда.

Его губы поползли выше, к шее, к линии челюсти. Его тело прижималось ко мне, и каждое движение было чётким, властным, но лишённым спешки. Он не торопился. Он «начинал день заново», и собирался сделать это основательно.
— Так что да, — прошептал он мне в самое ухо, заставляя вздрогнуть. — Я присоединяюсь. И не только к водным процедурам. Я присоединяюсь ко всему. К твоим мыслям, которые ты тут обдумывала. К твоему телу, которое уже проснулось без меня. К этому дню, который будет долгим и опасным. И к той самой, твоей хитрости в глазах, которая говорит, что ты уже всё для себя решила. Поделишься?

Он отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть мне в лицо, ожидая ответа, но его руки, его поза, весь он — уже не оставляли сомнений в том, что мой ответ, каким бы он ни

был, уже учтён в его планах на это «перезапущенное» утро.

— Всем без остатка, Самаэль, — выдохнула я, глядя прямо в его пылающие золотом глаза. Слова вырвались тихо, но они прозвучали громче, чем грохот воды. В них не было игривости или вызова. Была простая, полная капитуляция перед той правдой, что наконец установилась между нами.

Его реакция была мгновенной. Какое-то напряжение, всегда жившее в его плечах, даже в моменты расслабления, вдруг испарилось. Его глаза расширились на долю секунды, а потом в них вспыхнул такой яркий, такой безудержный, почти дикий восторг, что у меня перехватило дыхание. Это была не просто победа. Это было *признание*. Признание его права на всё.

Он не сказал ни слова. Просто с рычанием, больше похожим на стон, вцепился губами в мои, а его руки соскользнули со стены на моё тело. Этот поцелуй не был ни ласковым, ни томным. Он был *жадным*. Пожирающим. Как будто он хотел вобрать в себя не только мой ответ, но и само это «всем», каждую его крупичку. Его руки скользили по моей мокрой коже, не исследуя, а *заявляя права* — на бёдра, на талию, на спину, прижимая так, что воздух выходил из лёгких.

Он оторвался, чтобы перевести дыхание, его лоб прижался к моему.
— Вот теперь... — прошипел он, голос срывался от нахлынувшей эмоции, — ...доброе утро.

И он продолжил. Не как любовник, а как завоеватель, получивший наконец ключи от самого главного города. Каж-

дое прикосновение, каждый поцелуй, каждый взгляд были направлены на то, чтобы стереть границы, растворить «я» в «мы», которое он так яростно отстаивал. Он брал «всем без остатка» буквально, требуя и отдавая с одинаковой, сокрушительной интенсивностью. И я отдавалась. Не потому что должна была. Потому что хотела. Потому что в этом полном, безумном слиянии под шум воды и пара была наша новая, странная и невероятно прочная истина. Завтра могли быть Пустоши, опасности, долг и обязательства. Но это утро, это «всем», было нашим. И его было достаточно, чтобы встретить любой день.

Он не стал тратить время на нежности. Мой ответ, похоже, сорвал с него последние предохранители. С низким, победным рычанием, его руки скользнули под мои бёдра, пальцы впились в плоть, и он легко, почти без усилий, поднял меня. Моя спина прижалась к мокрой кафельной стене, ноги обвили его талию.

Вода лилась на нас, но её тепло было ничто по сравнению с жаром его тела и тем взглядом, который он впивал в меня. Его член, твёрдый и требовательный, упёрся в самый вход. Он не вошёл сразу. Замер на секунду, его золотые глаза, дикие и торжествующие, сверлили мои.

— Вот так, — прошипел он, его дыхание было горячим на моих губах. — Без остатка. Прямо здесь. Прямо сейчас.

И он вошёл. Не одним плавным движением, а резким, властным толчком, который вогнал меня в стену и выбил из

груди короткий, перехваченный крик. Он заполнил меня до предела, одним махом стирая все мысли, кроме одной: он *здесь*. Всей своей силой, всей своей яростью, всей этой новой, признанной им «сложностью».

Он не дал опомниться. Начал двигаться сразу — мощными, глубокими, неумолимыми толчками, каждый из которых отзывался эхом в самой глубине. Его руки под моими бёдрами были железными тисками, полностью контролирующими ритм, глубину, всё. Он смотрел на меня, ловя каждую гримасу на моём лице, каждый стон, каждый вздох, и в его взгляде читалось ненасытное, животное удовольствие от этого абсолютного обладания.

— Моя, — рычал он в такт своим движениям, и это было не слово, а закон, высекаемый прямо в плоти. — Вся. Навсегда.

И в этом безумии, в этом штурме под обжигающими струями воды, не было места страху или сомнению. Было только это — наша странная, ужасающая и прекрасная реальность, скреплённая теперь не договором, а этим простым, всепоглощающим «всем». И я принимала это. Каждым толчком, каждым стоном, каждой клеткой своего тела, которое уже отвечало ему своей собственной, дикой волной, грозящей вот-вот накрыть с головой.

Волна накрыла с такой силой, что мир на мгновение побелел и перестал существовать. Я выгнулась, вцепившись в его плечи, и мой стон вырвался громко, срывающимся, эхом

отразившись от кафельных стен душевой. Казалось, он действительно мог разнестись по всему огромному, спящему дворцу, выцарапывая на стенах признание нашего безумия.

Когда судороги немного отступили и я обвисла на нём, тяжело дыша, он не остановился. Его движения стали медленнее, но ещё глубже, ещё более выверенными, будто он изучал каждую реакцию моего вздрагивающего тела. Его губы прильнули к моему уху.

— Эмма... — прошептал он, и его голос был хриплым, густым от наслаждения и чего-то ещё, более глубокого. — Твои стоны... это музыка.

Он сделал особенно глубокий толчок, выбив из меня ещё один, тихий, срывающийся звук.
 — Такие томные... — продолжил он, целуя шею под ухом. — Такие... честные. В них нет фальши. Только ты. Только правда того, что я с тобой делаю. Того, что ты чувствуешь.

Его слова смешивались с шумом воды и нашим дыханием, создавая свой собственный, интимный саундтрек.
 — Я готов слушать их вечно, — признался он, и в этих словах не было преувеличения. Была та самая, новая для него серьёзность. — Каждый звук. Каждый вздох. Каждый этот... сдавленный крик, когда ты кончаешь. Это лучше любой симфонии, которую я слышал за все свои бесконечные годы.

Он снова ускорился, его собственное дыхание стало срываться, но он продолжал говорить, словно не мог остановиться, словно эти признания были так же важны, как и само дей-

ствие.
 — Они говорят мне больше, чем любые слова, — прошептал он, и его губы нашли мои в жадном, влажном поцелуе, после которого он оторвался, чтобы закончить мысль. — Они говорят, что ты жива. Что ты здесь. Что ты... моя. И что всё это — не сон. Не иллюзия.

И с этими словами он достиг своего пика, заглушив мой очередной стон своим собственным, низким, победным рёвом, который, казалось, заставил задрожать не только стены душевой, но и саму реальность вокруг нас.

Вода лилась на нас, остывая, но внутри горел жар. Он медленно опустил меня на ноги, но не отпустил из рук, прижимая к себе.
 — Музыка, — повторил он тихо, уже просто в мои волосы. — Моя любимая. И играть её мы будем... очень, очень долго.

Я засмеялась, коротко, счастливо, чувствуя, как этот смех вибрирует в моей груди, прижатой к его. Вся серьёзность момента растаяла, уступив место простой, животной радости и лёгкому абсурду ситуации.

— Мне теперь снова надо мыться, — выдохнула я, глядя на него снизу вверх, с каплями воды на ресницах.

Он откинул голову и рассмеялся в ответ — громко, открыто, тем самым редким смехом, который доходил до глаз. Его золотые зрачки сияли в полумраке душевой.
 — Мда, — проворчал он, но без злости, а с огромным удовольствием. — Я только что доказал тебе свою преданность самым что ни на есть физическим способом, а ты уже о гигиене беспо-

коишься.

Он всё ещё не отпускал меня, его руки скользили по моей спине, смывая пот и... всё остальное.
 — Ну что ж, — вздохнул он с преувеличенной покорностью. — Раз уж ты настаиваешь... Но имей в виду, это будет совместная операция. Потому что, если ты думаешь, что я позволю тебе выскользнуть из моих рук сейчас, после *такого* утра... — он покачал головой, и в его глазах загорелся знакомый, игривый огонёк. — То ты сильно ошибаешься, жена.

Он легко подхватил меня снова, но на этот раз не прижимая к стене, а просто держа на руках, как ребёнка, и шагнул под центральную струю воды.
 — Закрой глаза, — командовал он мягко, и его пальцы запутались в моих волосах, откидывая их назад под воду. — Расслабься. Я всё сделаю.

И он начал. Не просто смывать. А мыть. Медленно, тщательно, с какой-то почти ритуальной внимательностью. Его пальцы массировали кожу головы, смывая шампунь. Его ладони с мылом скользили по плечам, спине, бёдрам. Каждое прикосновение было нежным, но уверенным. Это был не секс. Это был... уход. Станный, демонический, но искренний акт заботы после бурной близости.

— Вот видишь, — пробормотал он, когда его руки скользнули по моим рёбрам, — можно и помыться, и при этом... — он наклонился и поцеловал меня в мокрый висок, — ... не отпускать. Две цели — одно действие. Эффективно.

Я закрыла глаза, позволяя тёплой воде и его рукам смыть

последние следы напряжения, отдавшись этому новому, невероятно интимному ощущению. Он был прав. После такого утра отпускать друг друга даже на минуту казалось кощунством. И в этой простой, бытовой близости под шум воды была своя, новая магия. Магия «всего без остатка», простиравшаяся даже до совместного душа.

— А теперь — одеваться и работать, — объявил Самаэль, выключая воду с решительным щелчком. Пар начал рассеиваться, обнажая прохладный воздух душевой и нашу мокрую, разгорячённую кожу. — Вместе.

Он произнёс это не как предложение, а как закон. Закон нашего нового утра. Он вышел первым, протянув мне большое, тёплое полотенце, а сам начал вытираться другим с привычной, военной эффективностью.

— Работать? — переспросила я, заворачиваясь в пушистую ткань. — Я думала, сначала завтрак, а уж потом Пустоши...

Он обернулся, и на его лице уже не было ни следа игривости или нежности. Была собранность полководца, того самого Архидемона, который только что за несколько часов до этого планировал кампанию.
— Завтрак — по пути, — отрезал он, направляясь в гардеробную. — Бельфегор уже ждёт в командном центре с обновлёнными картами. Мои лазутчики доложили о новых всплесках энергии на границе разлома. Мы двинемся на час раньше. — Он остановился на пороге и посмотрел на меня. — Ты — часть «мы», помнишь?

Не просто пассивный символ. Активный участник. Так что да, одеваться. В практичное. И быстро.

Его тон был резким, но в нём не было пренебрежения. Было ожидание. Он ждал, что я встроюсь в этот режим, приму правила игры, которая началась прямо сейчас. Игра была серьёзной. На кону была не только наша «демонстрация», но и безопасность границ его владений, а значит, косвенно — и наша новая, хрупкая стабильность.

Я кивнула, не споря. Откинула полотенце и последовала за ним в гардеробную. Там уже лежала подготовленная одежда — не роскошные платья, а практичный комплект из прочной, тёмной ткани, напоминающей кожу, но более лёгкой и гибкой. Сапоги, пояс для мелочей, даже лёгкий, но тёплый плащ. Всё в оттенках чёрного и тёмно-серого. Одежда солдата. Или, в моём случае, стратегического актива.

Самаэль уже одевался сам — в свою версию походной одежды: чёрные брюки, высокие сапоги, тёмная рубашка, поверх которой он набросил свой длинный, знаменитый чёрный плащ. Он выглядел смертельно опасным и невероятно собранным.

— Наше появление должно быть безупречным, — сказал он, застёгивая на запястье сложный механизм, похожий на браслет с магическими кристаллами. — Никаких намёков на усталость, на... личные дела. Только сила. Только уверенность. Ты стоишь рядом со мной не как жена, а как часть моей власти. Поняла?

— Поняла, — ответила я, натягивая сапог. Мой голос звучал твёрже, чем я ожидала. Страх был, да. Но под ним — странное, холодное спокойствие. Я была с ним. Мы были вместе. И «работать вместе» после всего, что было, казалось не испытанием, а естественным продолжением.

Он подошёл ко мне, поправил складку на моём плече, его пальцы на мгновение задержались. — Хорошо, — одобрил он тихо. — Теперь — за мной. Первое правило на поле: всегда знай, где твой командир. И никогда не выходи из зоны его контроля. Второе правило: если я говорю «портал» — ты открываешь, куда я скажу, без вопросов. Третье: если что-то идёт не так... — он посмотрел мне прямо в глаза, и в его взгляде промелькнула тень той самой, леденящей ярости, что была в саду, — ...ты сразу ко мне. Без геройств. Твоя задача — быть живым, сияющим символом. Всё остальное — моя забота.

Он говорил это как инструктаж перед боем. И для него, видимо, так оно и было. — Готова? — спросил он в конце, уже отходя к двери. Я сделала последний вздох, ощущая, как одежда сидит на мне, как новая роль ложится на плечи. — Готова. — Тогда пошли. Наша вечность ждёт. Но сначала — разберемся с этим разломом.

И он открыл дверь, пропуская меня вперёд, в коридор, который вёл не в столовую, а в самое сердце его военной машины. Утро личных откровений закончилось. Начинался день долга, силы и нашей первой по-настоящему совместной мис-

сии.

Глава 11. Игра началась

Коридор вёл не в парадные залы, а вглубь замка, по спирали вниз. Воздух стал прохладнее, пахнувшим камнем, металлом и слабым, постоянным гудящим звуком работающей магии. Мы вошли в просторное, но аскетичное помещение, освещённое холодными светящимися шарами. Стены были увешаны картами — не художественными, а тактическими, с подвижными метками и мерцающими линиями энергии. В центре, над большим столом из тёмного дерева, склонился Бельфегор.

Он был уже не в том, немного щегольском, виде, в котором я видела его утром. На нём была практичная, тёмная одежда, похожая на нашу, только с более сложными нашивками, обозначающими, судя по всему, ранг. Он что-то оживлённо обсуждал с двумя другими демонами, более низкого ранга, указывая на одну из карт.

Когда мы вошли, младшие демоны тут же замолчали и выжили, их взгляды с почтительным страхом скользнули по Самаэлю и... задержались на мне. Бельфегор обернулся последним. Его острый, хищный взгляд мгновенно оценил обстановку: Самаэля в его полной боевой готовности, и меня — рядом, одетую не в беспомощные шелка, а в функциональную экипировку, с прямой спиной и, надеюсь, с достоинством на лице.

Взгляд Бельфегора скользнул по мне с головы до ног, и в его глазах промелькнуло не просто любопытство, как утром. Это была быстрая, профессиональная оценка. Он видел не просто «жену брата». Он видел новый фактор в уравнении — одетый, подготовленный, стоящий рядом с Повелителем. И этот фактор его... заинтересовал. Не лично, а стратегически. Его губы чуть тронулись в сторону, едва заметная усмешка, в которой читалось одобрение и, возможно, лёгкое изумление от того, как быстро я была интегрирована.

Самаэль увидел этот взгляд. Он не просто увидел — он *прочитал* его, как открытую книгу. Его собственное лицо оставалось каменной маской, но я почувствовала, как воздух вокруг нас натянулся, будто от внезапного мороза.

Он сделал один шаг вперёд, едва заметный, но этого хватило, чтобы его фигура оказалась чуть впереди меня, не заставляя полностью, но явно обозначая приоритет и... защиту. Его голос, когда он заговорил, был ровным, но в нём звенела сталь, обрамляющая одно-единственное слово, брошенное как вызов и предупреждение:

— Брат?

Это было не приветствие. Это был вопрос, полный скрытой угрозы. Вопрос, который на самом деле означал: *«На что ты там смотришь? И насколько твой интерес соответствует твоему долгу?»*

Бельфегор мгновенно опомнился. Его усмешка исчезла, взгляд стал строго деловым. Он кивнул, скорее Самаэлю, чем

мне.
 — Брат. Леди Эмма. Вы вовремя. Обстановка на границе ухудшилась. — Он указал на карту, полностью переключившись на дело, но брошенный им до этого взгляд и реакция Самаэля висели в воздухе невидимым, но ощутимым напряжением. Это было напоминанием: в этом мире даже родная кровь могла стать угрозой, а моё новое положение делало меня не только символом, но и мишенью для самых разных видов интереса. И Самаэль был начеку. За меня.

Бельфегор, отбросив минутное замешательство, щёлкал пальцами над картой, заставляя мерцающие метки перемещаться, отмечая новые очаги активности.
 — Всплески стали хаотичнее, — докладывал он, его голос был лишён эмоций, чистый анализ. — Как будто что-то... просыпается. Или пытается вырваться. Старый отряд стражей уже на месте, держит периметр, но они не могут войти внутрь зоны аномалии — их просто вышвыривает.

Самаэль стоял неподвижно, его взгляд был прикован к карте. Он кивнул, затем медленно повернулся ко мне. Его золотые глаза, такие же холодные и расчётливые, как у его брата, теперь сфокусировались на мне с новой, леденящей интенсивностью. Урок нежности и смеха остался в прошлом. Сейчас говорил Повелитель.

— Эмма, слушай внимательно, — начал он, и его голос, тихий, но отчеканивающий каждое слово, заполнил пространство между нами, оттесняя даже гул магических механизмов. — Твоя задача — не сражаться. Не исследовать. Не

проявлять инициативу.

Он сделал паузу, давая этому уткнуться.
 — Твоя задача — *быть*. Быть рядом со мной. Быть видимой. Быть... незыблемой. — Он обвёл рукой карту. — Там, в Пустошах, сейчас правят страх и древняя, неупорядоченная сила. Им нужно показать порядок. Тот, что олицетворяю я. А ты — живое доказательство того, что мой порядок распространяется даже на то, что, по всем законам, должно было быть уничтожено. На Ходячую.

Он подошёл ближе, и его взгляд стал пронзительным.
 — Мы пройдем по маршруту, который отметил Бельфегор. Медленно. Торжественно. Как парад. Ты будешь идти слева от меня, на полшага сзади. Твой взгляд — прямо перед собой или на меня. Не на тени, не на странные огни, не на тех, кто может появиться. Ты не проявляешь любопытства. Ты не проявляешь страха. Ты просто... *есть*. Понимаешь?

Я кивнула, чувствуя, как его слова вбиваются в сознание как гвозди.
 — Понимаю.
 — Хорошо. Теперь о силе, — продолжал он. — Ты будешь чувствовать... призывы. Эти всплески — они могут отзываться в тебе. Игнорируй. Не поддавайся. Твоя сила сейчас — только для одного. — Он поднял палец. — Для портала. Только по моей команде. Я скажу «точка Альфа» — ты открываешь портал именно туда, куда мы тебе покажем на карте за секунду до этого. Ни сантиметра в сторону. Я скажу «заккрыть» — ты закрываешь мгновенно, даже если там что-то пытается пролезть.

Твоя воля в этот момент должна быть абсолютной. Как сталь. Готова ли ты к этому?

Это был не риторический вопрос. Он ждал ответа. Честного.
— Да, — сказала я, и в моём голосе не дрогнуло. Внутри всё сжалось в тугой, холодный узел решимости.
— Отлично. Теперь о безопасности, — его тон стал ещё жестче. — Если что-то пойдёт не по плану, если появится прямая угроза, которой не должно быть... твой первый и единственный импульс — ко мне. Не пытаться открыть портал куда попало. Не пытаться атаковать. Ты делаешь шаг ко мне и кладёшь руку сюда. — Он взял мою руку и положил ей себе на предплечье, поверх ткани рубашки. — Это сигнал. И физический контакт для мгновенного телепорта, если понадобится. После этого ты делаешь только то, что я скажу. Всё остальное — моя проблема. Твоя жизнь в этой операции — мой самый ценный актив, и я не намерен им рисковать без крайней необходимости. Ясно?

— Ясно, — повторила я, чувствуя под пальцами твёрдые мышцы его руки и вес ответственности, который он на меня возлагал и тут же снимал, беря на себя.

Он кивнул, удовлетворённый, и отпустил мою руку.
— Белфегор возглавит эскорт. Он будет впереди. Мы — в центре. Стражи замыкают круг. Ты не взаимодействуешь ни с кем, кроме меня. — Он бросил быстрый взгляд на брата, который слушал, не вмешиваясь. В его взгляде снова мелькнуло предупреждение. — Ни с кем.

Затем он обернулся к брату.
 — Всё готово?
 — Да, брат. Отряд ждёт у портала переброски к границе. — Бельфегор ещё раз взглянул на меня, но теперь его взгляд был строго профессиональным. — Леди Эмма, вам понадобится это. — Он протянул небольшой кристалл на тонкой цепочке. — Маячок. Если... что-то случится и связь прервётся, он выведет стражу к вам. И по нему брат сможет вас найти в любой точке мироздания. Не теряйте.

Я взяла кристалл. Он был холодным и пульсировал слабым, ровным светом. Я надела его поверх одежды.

Самаэль наблюдал за этим, его лицо было непроницаемым.
 — Последнее, — сказал он, уже обращаясь ко мне в последний раз перед выходом. Его голос чуть смягчился, но лишь на грани слышимости. — Не забывай, кто ты. Не Ходячая. Не пленница. Не символ. Ты — моя жена. И сегодня ты докажешь это всем. Не силой. Достоинством. Пойдём.

И он развернулся, его плащ взметнулся, он пошёл к выходу из командного центра, не оглядываясь, уверенный, что я последую. И я последовала. С холодным кристаллом на груди, с его словами в голове и с этим новым, стальным спокойствием внутри. Урок был усвоен. Игра началась.

Глава 12. На краю

Портал переброски выплюнул нас не в тихий сад или уютный зал. Мы оказались на краю. В прямом смысле.

Воздух здесь был другим — разреженным, холодным, с металлическим привкусом на языке и едва уловимым запахом озона и распавшейся магии. Под ногами вместо камня или травы был неровный, сероватый грунт, усыпанный мелкими, острыми осколками чего-то, что когда-то, возможно, было скалой или кристаллом. Перед нами расстилались Кристальные Пустоши. Название было точным, но обманчивым. Это не было безжизненной равниной. Это был *пейзаж после катастрофы*. Острые, искривлённые шпильки тёмного кристалла вздымались к неестественно бледному, беззвёздному небу, будто кричащие в пустоту останки древних строений. Между ними висела тихая, зыбкая дымка, в которой мерцали сгустки блеклой, больной энергии — те самые «всплески».

Вокруг нас уже стоял эскорт. Десяток демонов в полном боевом облачении, их лица скрыты шлемами, в руках — оружие, от которого веяло холодом и смертью. Они образовали плотное кольцо. Белфегор занял позицию впереди, его осанка была напряжённой, готовой к прыжку. Он кивнул Самаэлю.

Самаэль стоял невозмутимо, как будто вышел на прогулку

по своему саду. Он бросил беглый взгляд на горизонт, потом на меня.
— Идём, — сказал он просто и сделал первый шаг вперёд, в сторону самой гущи кристаллических лесов.

Мы двинулись. Шаг за шагом, медленно, мерно. Я шла слева от него, как и было приказано, чувствуя на себе тяжёлые взгляды стражей и спиной ощущая нездоровую пульсацию Пустошей. И тогда это началось.

Сначала это было просто ощущение — лёгкое покалывание в кончиках пальцев, едва уловимое гудение в ушах, не совпадающее с реальными звуками. Потом *голоса*. Не слова, а... намёки. Шёпот на грани слуха, который звал, манил, обещал. Он исходил от самих кристаллов, от мерцающей дымки. Он говорил с той частью меня, что была Ходячей. Обещал *знание*. Обещал *силу*. Обещал показать, что я такое на самом деле, без его оков, без этих стен, без него...

Я вцепилась взглядом в спину Самаэля, в складки его чёрного плаща, и мысленно повторяла его инструкции. *Игнорировать. Не поддаваться. Просто быть.*

Но Пустоши не сдавались. По мере нашего продвижения вглубь, давление нарастало. Воздух стал гуще, дымка — плотнее. Мерцающие сгустки энергии начали двигаться, собираться в призрачные, нестабильные формы, которые плыли параллельно нашему отряду, за кристаллическими шпильями. Они не атаковали. Они *наблюдали* и их внимание было приковано ко мне.

Внезапно один из таких сгустков, более плотный и тёмный, рванулся вперёд, пересёк нашу линию движения метрах в двадцати впереди и завис, преграждая путь. Он пульсировал, и из него протянулись тонкие, дрожащие щупальца из света и тени прямо в мою сторону. Шёпот в голове превратился в навязчивый, требовательный гул: *«Подойди... Освободи... Вернись...»*

Мои ноги на мгновение замедлили шаг. Сердце заколотилось. Это была уже не просто атмосфера. Это была прямая попытка взаимодействия.

Я не успела даже полностью осознать угрозу, как ситуация была разрулена.

— Прекрати. — Голос Самаэля не гремел. Он был тихим, но прорезал пространство как лезвие, и тот самый сгусток дрогнул и отпрянул, будто его ударили. — Это не твоя добыча. Это — моё.

Он даже не обернулся к призрачной сущности. Он просто продолжал идти, а его правая рука слегка поднялась, и пространство вокруг нападавшего *схлопнулось* с тихим хлопаящим звуком. Сгусток исчез, не успев издать ни звука.

Бельфегор, шедший впереди, лишь слегка повернул голову, его рука лежала на рукояти меча.
— Усиливается, — констатировал он сухо. — Они чувствуют её. Идут на контакт. План «А»?

— План «А» остаётся в силе, — откликнулся Самаэль, его шаг не дрогнул. — Но добавляем демонстрацию. Эмма.

Это было моё имя, но произнесено как команда. Я перевела на него взгляд. — Следующий, кто осмелится приблизиться, — сказал он, глядя прямо перед собой, — получит не моё, а твоё послание. Не портал. Просто... импульс. Всей той силы, что в тебе. Не направленный. Просто выпущенный наружу. Как вспышка. Покажи им не ключ. Покажи *мощь*, которая за этим ключом стоит. Готова?

Это был отход от плана. Но в его глазах читалась не импровизация, а следующий, заранее продуманный шаг. Он хотел, чтобы они почувствовали не просто защиту, а *исходящую от меня угрозу*.

Я кивнула, чувствуя, как страх сменяется странной, холодной яростью. Эти тени смели тянуться ко мне. Смели пытаться влезть в мою голову. — Готова.

Мы прошли ещё метров пятьдесят. Давление стало невыносимым. Казалось, сами кристаллы вокруг нас начали тихо петь, звенеть на одной ноте, которая входила в резонанс с моими костями. И тогда из дымки прямо перед Бельфегором выплыли сразу три тёмных сгустка, сплетаясь в нечто, отдалённо напоминающее многоголового змея. Они двигались быстрее, целеустремлённее.

— Сейчас, — тихо сказал Самаэль.

Я не стала концентрироваться на открытии портала. Я просто... *отпустила*. Представила, как та самая энергия, что рвала ткань миров, что светилась в кристалле ярче люб-

ви, вырывается из меня не как луч, а как взрывная волна. Не направленная. Просто волна *отказа, неприятия, силы*.

От меня не полыхнул свет. Не грянул гром. Просто воздух на секунду стал гуще, тяжелее, и тихий звон кристаллов сменился резким, болезненным *скрежетом*. Волна невидимой энергии ударила по приближающимся сущностям.

Они не исчезли. Они *рассыпались*. Как дым на ветру. И всё вокруг — дымка, даже сами кристаллы, казалось, отпрянули от нас, создавая вокруг отряда небольшой, но заметный пузырь чистого, спокойного пространства.

Бельфегор обернулся, и на его обычно бесстрастном лице промелькнуло что-то вроде уважительного изумления. Стражи по периметру замерли в ещё большей готовности, их позы стали чуть увереннее.

Самаэль лишь слегка кивнул, как будто ожидал именно этого.
— Хорошо, — произнёс он, и в его голосе прозвучало удовлетворение. — Дальше пойдёт легче. Они теперь знают, что ты не просто приманка. Ты — часть оружия. Продолжаем.

И мы продолжили. Шёпот в голове не исчез полностью, но стал тише, отстранённое. Тени больше не пытались приблизиться вплотную. Они плыли по краям, наблюдая, но уже без той наглой уверенности. Самаэль и Бельфегор шли впереди, как два незыблемых утеса, рассекая марево враждебной энергии, а я шла между ними, больше не пассивным символом, а активным, пусть и управляемым, элементом их силы.

И в этом, несмотря на леденящий страх и адское давление места, была своя, горькая и странная, победа.

Глава 13. Испытания пустошами

Тишина, наступившая после моего импульса, была громче любого шума. Давление не исчезло, но изменилось — из назойливого, хватающего, оно превратилось в настороженное, отступившее на почтительное расстояние. Кристаллы больше не звенели. Они замерли, будто притаились. Дымка медленно клубилась по краям нашего пузыря безопасности, но не решалась переступить невидимую черту.

Мы шли дальше. Шаг Самаэля был всё таким же размеренным, неспешным, будто эта прогулка по краю хаоса была для него рутинным делом. Бельфегор, слегка повернув голову, бросил на меня быстрый, оценивающий взгляд. В нём уже не было ни капли прежнего любопытства или сомнения. Теперь там читалось холодное, профессиональное признание: актив работает. И работает эффективно.

— Дистанция до эпицентра следующего всплеска — полкилометра, — доложил он, не повышая голоса. Его пальцы слегка коснулись сложного браслета на запястье, и на внутренней стороне моей сетчатки — магическим образом — всплыла полупрозрачная карта с пульсирующей меткой. — Аномалия стабильна, но агрессивна. Приближаться?

— Приближаемся, — ответил Самаэль. Его золотые глаза скользнули по мне. «Держись», — сказал его взгляд громче слов.

Мы двинулись к указанной точке. С каждым шагом воздух снова начал сгущаться, но теперь это было иначе. Раньше он лез в голову, в душу. Теперь он давил физически, как глубокая вода. В ушах зашумело, в висках застучало. Я видела, как стражи по периметру слегка напряглись, их доспехи тихо звякнули в унисон.

И тогда мы его увидели. Эпицентр.

Это не была просто вспышка энергии. Это был разрыв. Вертикальная трещина в самой реальности, высотой с трёхэтажный дом, из которой сочился не свет и не тьма, а нечто неопределённое, мерцающее всеми оттенками боли и забвения. Вокруг трещины кристаллы были не тёмными, а абсолютно чёрными, будто выгоревшими изнутри. От неё исходил тихий, монотонный гул — звук пустоты, которая хочет быть наполненной.

Прямо перед разрывом, на чёрной, стекловидной земле, лежали несколько тел в доспехах, похожих на доспехи наших стражей, но более древних, искалеченных дизайнов. Они не двигались. От них веяло не смертью, а чем-то худшим — полным, абсолютным исчезновением, стиранием.

— Мои лазутчики, — тихо сказал Бельфегор. В его голосе не было печали. Была констатация потерь. — Они пытались запечатать точку входа. Не вышло.

Самаэль остановился в десяти метрах от разрыва. Его лицо было каменным. — Это не просто всплеск, — произнёс он. Его голос, обычно такой уверенный, звучал натяну-

то. — Это дверь. Или, точнее, рана. Оставленная исчезновением Абаддона. Через неё сочтется то, что он когда-то «очистил». Древний ужас. Неупорядоченная боль.

Он повернулся ко мне.
 — Эмма. Здесь потребуется не импульс. Здесь нужен ключ. Но не для открытия. Для... заживления. Вернее, для наложения заплат. Моей силой, но через твой канал. Ты будешь проводником. Выдержать это будет тяжело. Очень. — Его взгляд впился в меня, ища малейшую трещину в моей решимости. — Последний шанс отказаться. Мы отступим, и я запечатаю это место более... грубыми методами. Но тогда всё, что внутри, будет уничтожено, и мы не узнаем, что это было. И это оставит шрам на этой земле навсегда.

Отступить? Сейчас? После того, как мы дошли сюда, после его гордости, после взгляда Белфегора? Я посмотрела на чёрную трещину, на этот вопль мироздания, и почувствовала не страх, а странную, леденящую ответственность. Это было следствие нашей победы. Следствие его выбора защитить меня. И теперь мы должны были это исправить. Вместе.

— Я готова, — сказала я, и мой голос не дрогнул. — Что нужно делать?

Уголок его губ дрогнул в намёке на улыбку. Быстрой, гордой.
 — Хорошая девочка. — Он сделал шаг ко мне, взял мои руки в свои. Его ладони были горячими, почти обжигающими. — Ты откроешь портал. Не куда-то. В никуда. Просто маленькое, контролируемое отверстие в небытие. Рядом с

этой трещиной. А я... я направлю в него всю грязь, всю боль, весь этот древний хаос из разлома. Ты должна будешь держать портал открытым, пока я не скажу. И не поддаваться. Что бы ни шептали. Что бы ни обещали. Это будет пытаться тебя соблазнить. Разорвать. Пообещать тебе силу, знание, свободу. Всё это — ложь. Это просто шлак. Помнишь, кто ты?

— Твоя жена, — выдохнула я, чувствуя, как его сила уже начинает струиться через наши соединённые ладони, горячая и тяжёлая, как расплавленный металл.
 — И точка, — закончил он. — Бельфегор, периметр. Ничто не должно нас отвлечь.

Его брат кивнул и отдал тихие приказы. Стражи сомкнули круг ещё плотнее, развернувшись лицом к окружающему мраку, готовые ко всему.

— Начинай, — приказал Самаэль, и его золотые глаза вспыхнули адским пламенем.

Я закрыла глаза, отгородившись от зрелища чёрного разрыва. Вместо этого я сосредоточилась на ощущении его рук, на его силе, которая теперь текла через меня. Я представила не дверь, не окно. Представила крошечную точку. Точку абсолютного ничто. И рванула пространство, чтобы создать её.

Воздух слева от трещины завихрился и порвался с тихим, неприятным хлопком. Открылся портал. Но не красивый, перламутровый. Он был чёрным, бездонным, холодным. От него веяло таким ледяным отсутствием, что даже жар Сама-

еля рядом казался слабым огоньком.

— Держи! — крикнул он, и его голос прозвучал как удар грома.

И он начал.

Из чёрного разрыва хлынуло... нечто. Это не были тени или сгустки. Это был поток чистой, бесформенной агонии, забытых страхов, разбитых клятв, боли, у которой не было ни начала, ни конца. Самаэль, его руки всё ещё сжимали мои, стал проводником для этого потока. Его тело напряглось, жилы на шее вздулись, но лицо оставалось искажённым гримасой нечеловеческого усилия. Он направлял этот ужас в мой портал, в чёрную дыру небытия.

А через меня проходили отголоски.

Шёпоты превратились в рёв. Обещания — в угрозы. Мне показывали картины: Самаэль, отвернувшийся от меня. Самаэль, разрывающий наше дитя. Самаэль, с улыбкой передающий меня новому Абаддону. Я видела себя старухой, умирающей в одиночестве в его забытой темнице. Видела себя королевой, топчущей его поверженное тело. Всё, чего я боялась. Всё, чего могла желать в самые тёмные минуты. Это всё лилось через меня, пытаюсь найти слабину, крючок, за который можно зацепиться и вырвать контроль.

«Он использует тебя!», — выло в моей голове.
 «Ты всего лишь инструмент!»
 «Освободи эту силу! Она твоя! Возьми её и стань богиней!»
 «Он никогда не полюбит такое, как ты!»
 «Он боится тебя! Убей его, пока

не поздно!»

Слёзы текли у меня по лицу, смешиваясь с потом. Я сжимала его руки до хруста в костяшках. Держалась. Держалась только на одной мысли, на одной картинке, которую я намертво вбила в сознание: его лицо, когда он сказал «стратегическая утечка». Его смех в душе. Его рука на моей талии во сне. Наше «приятно». Наше «всем».

— Мой... — прошипела я сквозь стиснутые зулы, обращаясь к хаосу внутри и снаружи. — Я... его... И... точка!

Портал подёргивался, пытаясь захлопнуться под давлением, но я удерживала его. Мои ноги подкосились, но я не упала — он держал меня, его сила была не только грузом, но и опорой.

Казалось, это длилось вечность. Поток из разрыва начал ослабевать. Чёрная трещина на реальности стала сжиматься, её края медленно, мучительно стягивались. Рёв в моей голове стихал, превращаясь в жалобный вой, а потом и в тихий шелест.

— Ещё... немного... — скрипящими от напряжения голосом прошипел Самаэль.

И наконец — тишина. Настоящая, физическая тишина. Поток прекратился. Чёрная трещина сомкнулась с едва слышным щелчком, оставив после себя лишь шрам на стекловидной земле — тёмную, но целую поверхность.

— Закрывай, — выдохнул Самаэль, и его хватка ослабла. Я мысленно рванула, и чёрный портал исчез, словно его

и не было.

Наступила полная тишина. Давление Пустошей исчезло. Кристаллы вокруг больше не пульсировали. Они просто стояли, мёртвые и безмолвные. Даже дымка рассеялась, открывая блёклое, но уже не враждебное небо.

Я подняла голову на Самаэля. Он был бледен как смерть, под глазами — тёмные, почти фиолетовые круги. Он тяжело дышал, но в его золотых глазах, уставших до предела, горел чистый, безудержный триумф.

Бельфегор подошёл, окинул взглядом заживший разлом, потом нас.
 — Чисто, — констатировал он. В его голосе звучало нескрываемое уважение. — Импульс по всем аномалиям упал до нуля. Разлом запечатан. Причём... аккуратно. Без выжженной земли. — Он посмотрел на меня. — Неожиданно эффективный метод, леди Эмма.

Я не могла ответить. Всё тело дрожало от перенапряжения, в голове стоял звон. Я сделал шаг и споткнулась.

Самаэль поймал меня, не дал упасть. Он притянул к себе, обнял одной рукой, а другой провёл по моим мокрым от слёз и пота волосам.
 — Всё, — прошептал он мне в макушку. — Всё кончено. Ты справилась. Блестяще.

Он держал меня, пока дрожь понемногу не стала отступать, замещаясь глубочайшей, всепоглощающей усталостью.

— Стража, — приказал он, уже поднимая голос, но не отпуская меня. — Возвращаемся. Прямым маршрутом. Задание выполнено.

Бельфегор кивнул и отдал команды. Стражи перестроились. Кто-то из них, на удивление почтительно, протянул мне флягу с водой. Я сделала несколько глотков — вода была ледяной и невероятно вкусной.

Самаэль смотрел на заживший шрам, а потом на окружающие Пустоши.
— Они теперь будут помнить, — сказал он тихо, больше для себя. — Помнить, что здесь прошла моя воля. И что та, кто идёт рядом со мной, может не только выстоять, но и обратить их силу в ничто. — Он взглянул на Белфегора. — Доклад отцу будет составлен соответствующим образом.

— Без сомнений, брат, — ответил Бельфегор. В его глазах теперь читалось не просто уважение, а некое переосмысление. Он смотрел на нас — на Самаэля, держащего меня, на моё измождённое, но не сломленное лицо — и видел не слабость, а новую, странную и грозную конфигурацию силы. Альянс, который оказался крепче, чем кто-либо мог предположить.

Глава 14. Последствия

Обратный путь казался короче. Пустоши молчали. Ни шёпота, ни теней, ни мерцания. Только тихий хруст грунта под сапогами и ровное дыхание отряда. Я шла, почти не чувствуя ног, опираясь на Самаэля. Он не отпускал мою руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.